ГУСЪ.

ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Сочиненіе А. Гильфердинга.

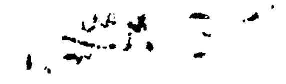
С.-Петербургъ.

Типографія Майкова, въ д. Мин. Фин., на Дворц. площ.

1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Февраля 1871 г.

I.

Между великими религіозными движеніями, которыя волновали міръ, одно принадлежало всецѣло племени славянскому. Оно было вызвано славяниномъ, уроженцемъ чешской деревни, и быстро охватило весь чешскій край. Чаша, религіозный символъ гуситства, сдѣлалась въ Чехіи и Моравіи знаменемъ славянской народности, тогда какъ за римскую церковь стали тамъ нѣмецкіе поселенцы и партіи, дружившія съ Нѣмцами. Встрѣчая сочувствіе въ славянскихъ земляхъ, между Словаками, въ Польшѣ, Галичѣ и Литвѣ, гуситское движеніе вооружило противъ себя всю западную Европу и подавленіе его сдѣлалось для германской имперіи національнымъ дѣломъ. Крестовые походы, направленные противъ гуситовъ (1420—1431 годы) имѣли вполнѣ значеніе народной борьбы, въ которой дѣло шло о самомъ существованіи славянскаго народа въ Чехіи и Моравіи. Когда Чехи, выйдя изъ этой неравной борьбы побѣдителями, принудили западную Европу признать гуситское вѣроисповѣданіе, они и съ ними все западное славянство достигли своего историческаго апогея: никогда, ни прежде, ни послѣ, западные славянскіе народы не стояли на такой высотѣ, какъ въ ту эпоху, когда Чехія, подъ правленіемъ гусита Подѣбрада (1458—1471), направляла своимъ вліяніемъ дѣла Германской имперіи, а Польша въ то же время (1466) подчиняла себѣ владѣнія Прусскаго ордена. Когда же наступила реакція и католицизмъ, въ роковой Бѣлогорской битвѣ (1620), восторжествовалъ надъ гуситствомъ, то съ этимъ убита была и славянская народность въ Чехіи и Моравіи, только двѣсти лѣтъ спустя очнувшаяся отъ удара, и католицизмъ, освобожденный отъ всякихъ препонъ въ западномъ славян-

ствѣ, могъ сосредоточить всѣ свои разъѣдающія силы на несчастной Польшѣ.

Такимъ образомъ гуситство имѣло для славянскаго міра первостепенное значеніе. Но въ настоящее время гуситовъ нѣтъ, ихъ вѣроисповѣданіе принадлежитъ къ числу умершихъ сектъ и гуситское ученіе, которое было нѣкогда знаменемъ славянской народности, ученіе, за которое умирали не только рати фанатиковъ, но цѣлый народъ сложилъ свою голову,—сдѣлалось для насъ предметомъ недоумѣній.

Обыкновенно гуситовъ причисляютъ къ протестантскимъ сектамъ. Это мнѣніе оправдывается тѣмъ, что Гусъ первый съ успѣхомъ повелъ противъ римской церкви борьбу, отдѣлившую отъ нея протестантскія исповѣданія; что онъ отрицалъ авторитетъ римской церкви въ силу правъ личнаго разума, основывающагося на священномъ писаніи; что Лютеръ признавалъ его своимъ предшественникомъ, и что послѣ появленія нѣмецкаго протестантизма гуситы стали сливаться съ послѣдователями Лютера и Кальвина.

Все это имѣетъ огромное значеніе, и никто не станетъ отрицать историческаго сродства гуситства съ протестантизмомъ.

Но съ другой стороны мы имѣемъ документъ, ниже сего печатаемый, въ коемъ гуситское исповѣданіе признано за тождественное съ вѣрою православной церкви, отъ которой-де оно отличается только несущественными разностями обрядовъ. И этотъ документъ, относящійся къ тому времени, когда гуситство, послѣ отраженія пяти крестовыхъ походовъ западной Европы, находилось въ своемъ полномъ цвѣтѣ и успѣло совершенно выяснить и установить свое ученіе,—этотъ документъ не представляетъ собою только частнаго мнѣнія отдѣльныхъ лицъ,—а есть соборное дѣяніе константинопольскаго патріархата, подписанное, между прочими, и предстоятелемъ церкви болгарской, митрополитомъ Терновскимъ. Мы знаемъ, какъ мало склонна была вообще православная церковь къ сдѣлкамъ съ иновѣрными исповѣданіями и какъ твердо она отстаивала неприкосновенность своего ученія, не допуская никакихъ уступокъ по политическимъ расчетамъ. Что и соборное дѣяніе 18 января 1452 г. не составляло уступки какимъ либо политическимъ видамъ и выражало дѣйствительно убѣжденіе патріаршаго синода въ православіи гуситскаго исповѣданія, за то ручается какъ общій историческій характеръ Восточной церкви, такъ и то, что скрѣпленъ этотъ актъ подписью извѣстнаго Геннадія, бывшаго главою

той строго-православной партіи, которая отвергала флорентійскую унію, именно какъ недостойную церкви политическую уступку. *).

И такъ свидѣтельство такого авторитета, какъ патріаршій синодъ константинопольскій, признало гуситское ученіе за православное. Это признаніе и обоюдное желаніе церквей чешской и константинопольской вступить въ общеніе, не имѣли практическихъ послѣдствій по причинѣ обстоятельствъ того времени; но оно открываетъ вопросъ: чѣмъ намъ считать Гуса и гуситовъ: православными, какъ сказали восточные святители, или протестантами какъ они являются въ исторіи? Восточная церковь ни одной протестантской секты никогда не признавала за православную; въ какой же мѣрѣ могутъ быть православными Гусъ и гуситы, которыхъ историческая связь съ протестантизмомъ есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію?

Для рѣшенія этого вопроса нужно прежде всего уяснить себѣ личный характеръ Гуса. Историческая роль человѣка опредѣляется не имъ самимъ; результаты дѣятельности нашей бываютъ не тѣ, къ которымъ стремится наша личная воля: но потомъ люди по этимъ результатамъ судятъ человѣка и думаютъ, что онъ хотѣлъ именно того, что вышло изъ его дѣятельности. Гусъ далъ толчокъ реформаціонному движенію, онъ сдѣлался основателемъ протестантизма: историки и говорятъ, что онъ хотѣлъ быть реформаторомъ. Но справедливо ли это? Намъ кажется, что тутъ кроется та коренная ошибка, которая затемняетъ все дѣло.

Гусъ тѣмъ-то отличается отъ Виклефа, Лютера, Цвингли, Кальвина, Хелчицкаго и другихъ основателей протестантскихъ сектъ, что онъ не думалъ создавать новаго ученія. Виклефъ сочинилъ знаменитыя 45 положеній, которыми ниспровергалось все вѣковое устройство и ученіе римской церкви: Гусъ отвергъ тѣ изъ положеній Виклефа, которыя заключали въ себѣ догматическія формулы, несогласныя съ преданіемъ римской церкви, но усвоилъ себѣ и сталъ защищать тѣ положенія, которыми осуждались злоупотреб-

---

*) Въ то время, когда писана грамота Чехамъ, патріарха въ Константинополѣ не было: занимавшій патріаршій престолъ Григорій, какъ приверженецъ уніи, былъ изгнанъ и скрывался въ Римѣ. Дѣлами патріархіи завѣдывалъ синодъ, душою котораго, послѣ смерти Марка Ефесскаго, не задолго передъ тѣмъ скончавшагося, былъ Геннадій. Этотъ Геннадій (въ мірѣ Георгій Схоларій) былъ избранъ на патріаршій престолъ послѣ взятія Константинополя Турками. Великія заслуги его для церкви извѣстны.

ленія латинскаго духовенства и возстановлялись попранныя права христіанской нравственности. Почитателей Гуса озадачиваетъ отношеніе его къ Виклефу. Теорія вся принадлежитъ Виклефу, Гусъ изъ этой теоріи взялъ только немногіе и то въ вѣроисповѣдномъ смыслѣ наименѣе существенные пункты, самъ ничего новаго къ нимъ не прибавилъ, — а между тѣмъ какъ неизмѣримо выше онъ Виклефа! Дѣло въ томъ, что Виклефъ былъ догматикъ; Гусомъ же владѣла одна мысль: исполнить вѣрно нравственный законъ христіанства. Трудно найти въ исторіи человѣка, который съ такою безусловною правдивостью осуществлялъ своею жизнью заповѣди Евангелія. Онъ подражалъ Творцу христіанства и въ томъ, что его ученіе не имѣло характера догматическихъ формулъ, а живаго нравственнаго наставленія. Онъ не отличался ни необыкновенною ученостью, ни геніемъ первокласснаго писателя или проповѣдника: его сочиненія, его проповѣди не стоятъ выше средняго уровня произведеній тогдашняго схоластическаго богословія. Та изумительная сила обаянія, которую Гусъ получилъ на весь народъ чешскій, истекала единственно изъ нравственнаго величія его личности и нравственнаго значенія его проповѣди. Въ 1413 г. Гусъ, принужденный своими врагами покинуть Прагу, счелъ нужнымъ формулировать свои взгляды на церковь и написалъ свое главное догматическое сочиненіе: «Tractatus de ecclesia». Воспитанникъ римской богословской схоластики, онъ принимаетъ за аксіому, что извѣстныя слова Спасителя, обращенныя къ апостолу Петру, относятся къ Римской церкви, онъ не подозрѣваетъ подложности декреталій, изъ которыхъ римскіе догматисты выводили ученіе о главенствѣ папы надъ христіанскимъ міромъ: и что же? онъ отрицаетъ этотъ выводъ; онъ разсуждаетъ, что такъ какъ Римская церковь признается святою, каѳолическою и апостольскою, то подъ этимъ названіемъ «невозможно разумѣть какого либо папу съ его коллегіею кардиналовъ; ибо они часто оскверняліись злостнымъ обманомъ и грѣхомъ»; и Гусъ приходитъ къ заключенію, что единственный глава церкви есть Іисусъ Христосъ, какъ единый безгрѣшный. Онъ не въ силахъ былъ доказать догматически несостоятельность папскихъ притязаній; но его убѣдила ихъ нравственная невозможность. Таковъ складъ ума у этого человѣка: путаясь въ оковахъ схоластики, которая всецѣло господствовала въ тогдашней наукѣ, онъ теоретически недоумѣваетъ надъ спорными вопросами, но выводитъ каждый изъ нихъ на нравственную почву и тутъ уже прямо разрѣшаетъ.

Гуса представляли гордымъ, самоувѣреннымъ агитаторомъ, который ставилъ свои личные взгляды выше ученія церкви, который для удовлетворенія своей популярности и своей національной нетерпимости не задумался возбуждать религіозный фанатизмъ массъ, вызвалъ выселеніе изъ Чехіи Нѣмцевъ, поднявшее на Чеховъ ненависть всей Германіи, призывалъ свѣтскую власть ко вмѣшательству въ духовныя дѣла. Даже г. Палацкій, наиболѣе безпристрастный цѣнитель Гуса, признавая его нравственное величіе, находитъ, что къ высокимъ качествамъ его присоединялась «необычайная смѣлость, неуступчивость и безпощадность къ противникамъ, очевидная жажда народной любви, чести и славы, но такой славы, которая вершину свою находитъ въ вѣнцѣ мученическомъ». Передъ нами сочиненія Гуса, и мы удивляемся, какимъ образомъ они могли внушить знаменитому историку такое понятіе.

Неужели рѣзкость пріемовъ, свойственная всей тогдашней богословской полемикѣ, можетъ быть смѣшиваема съ признаками личнаго характера Гуса? Достаточно прочитать его письма къ паствѣ и друзьямъ, гдѣ онъ рисуется со всею откровенностью правдивой души, чтобы понять всю несправедливость подобныхъ сужденій о Гусѣ.

Съ дороги въ Констанцъ, предчувствуя ожидавшую его участь, Гусъ такъ писалъ своимъ друзьямъ: «Уповаю на своего милостиваго, мудраго и мощнаго Спасителя, что по своему обѣту и вашими вѣрными молитвами Онъ мнѣ дастъ мудрость и крѣпость Духа Святаго, да пребуду твердъ и противники мои не совратятъ меня на кривой путь, хотя бы Онъ далъ мнѣ терпѣть искушеніе, поношеніе, узы или смерть, какъ самъ Онъ претерпѣлъ и далъ претерпѣть своимъ лучшимъ слугамъ, и показалъ намъ примѣръ, дабы и мы терпѣли ради Его и ради нашего спасенія. Онъ Богъ, а мы его творенія, Онъ господинъ, а мы слуги, Онъ всего міра царь, а мы людишки недостойные, Онъ безъ грѣха, а мы грѣшники, Онъ ни въ чемъ не нуждающійся, а мы—нуждающіеся. Онъ также терпѣлъ, такъ какъ же намъ не терпѣть? Для насъ страданіе пріемлемое въ любви есть очищеніе отъ грѣховъ и избавленіе отъ всякихъ мукъ. По истинѣ, вѣрный слуга Его не можетъ погибнуть, когда онъ съ Его помощью устоитъ. Потому, милые братья и милыя сестры, молитесь крѣпко, чтобы Онъ благоволилъ даровать мнѣ стойкость и соблюсти меня отъ оскверненія; а если для Его славы и для вашей пользы нужна моя смерть, то да благоволитъ Онъ дать мнѣ встрѣтить ее безъ дурнаго страха. Если же это для насъ лучше,

то пусть Онъ меня возвратитъ къ вамъ, проведя меня туда и назадъ безъ оскверненія: дабы мы вмѣстѣ еще поучились въ Его законѣ и порвали частичку антихристовыхъ сѣтей, да оставили будущимъ братьямъ добрый примѣръ. Вѣроятно вы меня въ Прагѣ уже не увидите. Если же всемогущій Богъ благоволитъ возвратить меня къ вамъ, то тѣмъ веселѣе будетъ наша встрѣча; но всего болѣе, когда свидимся въ радости небесной». Едва ли выражался бы такъ человѣкъ, искавшій мученичества изъ-за того, чтобы прославить свое имя. Мы могли бы подтвердить это многими другими ссылками на письма Гуса, въ которыхъ онъ говоритъ о предстоявшей ему смерти: онъ покорялся смиренно ожидавшей его казни, потому что считалъ несогласнымъ съ долгомъ христіанина вступать въ недостойную сдѣлку съ ложью и вводить въ соблазнъ паству, довѣрявшую его проповѣди.

Томясь узникомъ въ Констанцской тюрьмѣ, Гусъ узнаетъ о паденіи папы Іоанна XXIII, если не главнаго, то самаго виднаго изъ его противниковъ, того, который предалъ его анаѳемѣ, призвалъ къ отвѣту на соборъ и приказалъ разрушить его любимую Виѳлеемскую часовню. Соборъ низложилъ этого папу, какъ явнаго грѣшника и злодѣя. Какимъ торжествомъ должно было это событіе отозваться въ «безпощадной къ противникамъ» душѣ Гуса! «Вотъ», пишетъ онъ друзьямъ своимъ, «голова эта срублена, богъ земной скованъ, объявленъ грѣшникомъ... Соборъ провозгласилъ его еретикомъ за то, что онъ продавалъ отпущенія, епископства и другія доходныя мѣста, и тѣ самые его осудили, которые ихъ у него покупали или торговали ими. Тутъ былъ и епископъ Лютомышльскій, тотъ что два раза торговалъ для себя Пражское архіепископство, которое другіе у него перекупили. О, зачѣмъ они прежде не выкинули бревна изъ своего глаза! Если бы Господь Іисусъ сказалъ собору: кто изъ васъ безъ грѣха святокупства, тотъ пусть осудитъ папу Іоанна, то, мнѣ кажется, одинъ убѣжалъ бы за другимъ. И зачѣмъ же они передъ нимъ становились на колѣни и цѣловали ему ноги и называли святѣйшимъ отцомъ, когда они знали, что онъ еретикъ, убійца и отъявленный грѣшникъ, какъ они теперь провозглашаютъ? Зачѣмъ кардиналы избрали его на папство, зная, что онъ такой злодѣй, что умертвилъ прежняго папу?» Конечно для римскаго *принципа* эти слова Гуса безпощадны, но виденъ ли въ нихъ человѣкъ, безпощадный къ лицу противника?

Гусъ не только не былъ неуступчивъ въ мнѣніяхъ и никогда не выдавалъ себя за авторитетъ, а напротивъ, во всѣхъ случаяхъ

жизни, и въ спорахъ съ богословами въ Чехіи, и передъ Констанцкимъ соборомъ, и на пути къ костру, просилъ и добивался только одного: чтобы ему объяснили истинное ученіе церкви, чтобы его наставили. Онъ такъ мало чувствовалъ себя реформаторомъ, такъ мало понималъ свое значеніе, что, описывая друзьямъ путешествіе свое изъ Праги въ Констанцъ, онъ самымъ наивнымъ образомъ высказываетъ свое удивленіе тому, что въ городахъ по пути Нѣмцы его встрѣчали, какъ нѣкую знаменитость *). Не чувство личнаго избранничества, не національная страсть, не расчеты руководили имъ, а неумолимая правдивость, съ которою онъ считалъ себя, какъ и каждаго христіанина, обязаннымъ исполнять дѣйствительно заповѣди Евангельскія. «Я знаю одно, писалъ онъ по поводу наложеннаго на пражскія церкви, вслѣдствіе его проповѣди, запрещенія,—я знаю одно, что не хочу послушаться ни папы, ни архіепископа въ томъ, чтобы не проповѣдывать: ибо это противно Богу и противно моему спасенію». **) Но онъ не считалъ себя творцомъ и руководителемъ религіознаго движенія, охватившаго Чехію. «Благодарю Бога», писалъ онъ въ 1410 г. одному англичанину, ученику Виклефа, «что отъ благословенной Англіи благое дѣло (т. е. евангельская проповѣдь) принято уже Чехіею. Знай, любезнѣйшій братъ, что народъ ничего слышать не хочетъ, кромѣ священнаго писанія, въ особенности евангелія и посланій апостольскихъ, и гдѣ только, въ городѣ или мѣстечкѣ, въ деревнѣ или замкѣ, ни появится проповѣдникъ священной истины, народъ стекается толпами, покидая недоброжелательствующее духовенство.» Въ собственныхъ своихъ глазахъ, Гусъ былъ только однимъ изъ служителей народнаго дѣла, и никогда, подобно Лютеру или Кальвину, не приписывалъ онъ себѣ авторитета главы новаго ученія. Когда запретили въ Прагѣ богослуженіе и его самого изгнали изъ столицы, онъ, намекая на людей, продолжавшихъ тамъ евангельскую проповѣдь, писалъ Пражанамъ, что «вмѣсто одного слабаго и немощнаго *гуся* Истина выслала въ Прагу многихъ орловъ и соколовъ, быстротою очей превосходящихъ прочихъ пернатыхъ, и они, по милости Божіей, летаютъ высоко, уловляя другихъ птицъ Іисусу Христу, который ихъ укрѣпитъ и утвердитъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ.»

Гуса его современники, также какъ и многіе теперешніе чешскіе писатели, обвиняли въ томъ, что онъ вызывалъ вредное вол-

*) См. Documenta mag. Ioannis Hus. Epistolae № 39.

**) Тамъ же, № 11.

неніе умовъ. Онъ за собою этого грѣха не признавалъ. «Я никогда, по милости Божіей, не былъ возмутителемъ, говорилъ онъ торжественно передъ соборомъ, но всегда проповѣдывалъ, чтобы люди жили между собою въ мирѣ и любили другъ друга.» Однако хотя бы его проповѣдь и могла породить смуту, — подобное соображеніе для Гуса ничего не значило. Если самъ Спаситель говорилъ, что Онъ принесъ на землю не миръ, а мечъ, то могъ ли христіанинъ опасаться проповѣдывать истину, потому что она взволнуетъ умы? *)

Также какъ на интересъ общественнаго спокойствія смотрѣлъ Гусъ на вопросъ національный, столь же жгучій въ Чехіи XV-го, какъ и XIX-го вѣка. Христіанская правда и польза просвѣщенія не допускали, чтобы Чехи въ своей собственной странѣ были угнетаемы Нѣмцами, и это-то побудило Гуса содѣйствовать своимъ вліяніемъ тому, чтобы король Вячеславъ отнялъ у Нѣмцевъ привилегію, отдававшую безусловно въ ихъ руки Пражскій университетъ и съ тѣмъ вмѣстѣ руководство всею умственною жизнью Чехіи. **) Когда ему поставлено было въ вину передъ соборомъ, что онъ якобы «своею проповѣдью возбуждаетъ и возбуждалъ Чеховъ противъ Нѣмцевъ» (quod per suam praedicationem suscitat et suscitavit Bohemos contra Teutonicos), онъ писалъ въ отвѣтъ: «Я говорилъ и говорю, что Чехи въ королевствѣ чешскомъ по законамъ, мало того, по закону Божьему и по требованію природы (secundum leges, imo secundum legem Dei et instinctum naturalem) должны быть первыми въ должностяхъ, также какъ Французы во Франціи и Нѣмцы въ своихъ земляхъ, дабы Чехъ умѣлъ управлять своими подданными, а Нѣмецъ Нѣмцами. Но что за польза была бы, если бы Чехъ, незнающій нѣмецкаго языка, былъ въ Нѣмечинѣ (in Teutonia) приходскимъ настоятелемъ или епископомъ? По истинѣ, отъ него было бы столько же проку, сколько для стада отъ пса нѣмаго, неумѣющаго лаять. Столько-то проку и для насъ Чеховъ отъ Нѣмца. И такъ, зная, что это противно и закону Божію и кано-

*) Vyklad desatera bozieho prikazanie. M. J. Husi spisy české I. 156.

**) Привилегія эта заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, что голосованіе по дѣламъ университета происходило въ немъ по націямъ, при чемъ каждой націи принадлежалъ одинъ голосъ. Такъ какъ университетъ дѣлился на четыре націи: Чеховъ, Саксонцевъ, Баварцевъ и Поляковъ, и въ числѣ Поляковъ большинство составляли Силезцы, т. е. природные Нѣмцы или онѣмеченные Славяне, то на дѣлѣ выходило, что въ Пражскомъ университетѣ Чехи имѣли одинъ голосъ противъ трехъ голосовъ нѣмецкихъ.

намъ, я и говорю, что это непозволительно. Студенты же Нѣмцы не были изгнаны (изъ Праги) какимъ либо человѣкомъ, но ихъ изгнала ихъ собственная присяга, которою они обязались къ тому, что ни одинъ изъ нихъ не останется въ университетѣ иначе, какъ ежели они будутъ имѣть въ немъ три голоса, а чешская нація только одинъ.»

Это объясненіе вполнѣ опредѣляетъ взглядъ Гуса на національность. Онъ стоялъ за права чешской народности не изъ патріотизма, а потому что этого требовалъ христіанскій законъ. Христіанскій законъ былъ для него все, и потому этотъ мнимый фанатикъ народности могъ написать слѣдующія строки: «Говорю по совѣсти, что если бы зналъ чужеземца, откуда бы то ни было, который по добродѣтели своей болѣе любитъ Бога и стоитъ за добро, нежели мой родной братъ, то онъ былъ бы мнѣ милѣе брата. А потому добрые священники Англичане мнѣ милѣе, нежели недостойные священники чешскіе, и добрый Нѣмецъ мнѣ милѣе, нежели злой братъ.»

Наконецъ, не какіе либо расчеты политическіе, а интересъ христіанской правды руководилъ Гусомъ, когда онъ призывалъ содѣйствіе свѣтской власти противъ злоупотребленій духовенства. Послушаемъ опять его собственное объясненіе. «Много, пишетъ онъ, *) въ духовенствѣ разбойниковъ и христіанскій міръ исполненъ всякаго зла. Антихристъ до такой степени утвердилъ свою власть посредствомъ святокупнаго избранія и назначенія на духовныя должности и торга ими, что это зло превышаетъ силы человѣческія Однако я нахожу три средства, которыя могли бы помочь противъ этого зла, если бы Господь Богъ оказалъ свою милость. Первая помощь была бы та, чтобы Господь Богъ далъ какого либо папу, который уничтожилъ бы все это святокупство согласно священному писанію и постановленіямъ святыхъ епископовъ. Но гдѣ такой найдется? По истинѣ, было бы великое чудо, если бы такой папа появился теперь; и я знаю то, что ему не дали бы долго пожить его апостолы **). Потому скорѣе могло бы осуществиться другое средство, именно, чтобы свѣтскіе князья и господа, наученные Богомъ, не допускали такого святокупства и противозаконнаго поставленія въ народные пастыри негодныхъ прелатовъ. А этого они всего удобнѣе достигли бы, если бы не позволяли растрачивать

*) O svatokupectví, тамъ же I, 464.

**) Намекъ на то, что кардиналы нерѣдко въ то время отравляли папъ, которые были по чему либо имъ неугодны.

дурнымъ образомъ милостыню своихъ отцовъ *), взявъ эти милостыни въ свое завѣдываніе и въ свою охрану, дабы ими впредь не торговали. Но отъ такого святаго содѣйствія уничтоженію этого грѣха удерживаетъ князей и свѣтскихъ господъ ослѣпленіе лицемѣріемъ, ибо духовные ослѣпили ихъ лицемѣрнымъ увѣреніемъ, что вы-де не должны вмѣшиваться въ духовныя дѣла, а они слушаются ихъ и оставляютъ дѣло безъ вниманія. Также удерживаютъ ихъ мірскія связи и общія потѣхи съ духовными лицами, удерживаютъ наконецъ свѣтскія заботы и удовольствія. Потому всего ближе третье средство помочь злу, именно то, чтобы община не давала содержанія такимъ духовнымъ, которые явно торгуютъ святынею и ведутъ дурную жизнь. Но при этомъ община должна быть готова выдержать на первое время тяжбы и клятвы, которыми они оберегаютъ свою безнаказанность. Будемъ же молить милостиваго Бога, чтобы Онъ своею силою воздвигъ христіанство и тѣмъ либо другимъ способомъ, какимъ Онъ изволитъ, низложилъ это „святокупство!»

Позволительно ли прочитавшему эти строки утверждать, будто Гусъ приглашалъ свѣтскую власть наложить руку на духовныя имущества изъ-за какихъ нибудь расчетовъ, а не потому, что этого требовало, по его убѣжденію, благо самой церкви?

Но какъ несправедливы всѣ эти обвиненія, представляющія Гуса самонадѣяннымъ нововводителемъ, фанатикомъ или властолюбцемъ, также точно невѣрна точка зрѣнія тѣхъ, которые изображаютъ Гуса бойцомъ за идею свободы, за принципъ національности и т. п. Всѣ рѣчи, которыя недавно произносились въ этомъ смыслѣ, основаны на недоразумѣніи или на неискренности, которая привела бы въ негодованіе констанцкаго мученика. Правда, что дѣятельность Гуса принесла неизмѣримую пользу дѣлу свободы въ Европѣ и на 200 лѣтъ обезпечила въ Чехіи торжество національности. Но то были только косвенныя послѣдствія проповѣди и мученической кончины Гуса. Онъ самъ никогда не помышлялъ о принципѣ свободы, даже о свободѣ совѣсти онъ не говорилъ, а отстаивая права чешской народности въ Чехіи, свидѣтельствовалъ однако, что ему добродѣтельный Нѣмецъ дороже дурнаго Чеха. Не свобода, не національность была знаменемъ Гуса, а *христіанскій законъ*, и съ этой стороны его нельзя характеризовать

*) Подъ именемъ милостыни нужно разумѣть всѣ имущества, пожертвованныя церквамъ и монастырямъ.

вѣрнѣе, какъ словами, которыя мы читаемъ въ самомъ евангеліи, — что онъ искалъ царства Божія и правды его, а то все приложилось ему. Гусъ былъ вполнѣ и *исключительно* христіанинъ. И умеръ онъ не за какой нибудь догматъ и не за принципъ свободы, какъ обыкновенно говорятъ, а за христіанскую правдивость. Дѣло въ томъ, что Гусъ на соборѣ отстаивалъ собственно только положенія христіанской нравственности, которыя хотя и возбуждали противъ него негодованіе всей ѳеократіи, но не могли быть благовиднымъ предлогомъ для его осужденія. По всѣмъ же догматическимъ пунктамъ, по которымъ его обвиняли въ ереси, онъ либо доказывалъ, что ему приписывали не то, чему онъ училъ, и даже совершенно противное его мнѣніямъ, либо заявлялъ собору, что онъ не защищаетъ безусловно положенія, за которое его обвиняютъ, а напротивъ, только проситъ соборъ уяснить тутъ истинное ученіе церкви, Поэтому соборъ, чтобы спасти свой авторитетъ и выставить на показъ, что Гусъ былъ все-таки еретикъ, потребовалъ отъ него отреченія отъ еретическихъ заблужденій *вообще*, хотя бы онъ ихъ не придерживался. Король Сигизмундъ, которому ужасно хотѣлось уладить дѣло, сказалъ ему: «Слушай, Гусъ, отчего бы тебѣ не отречься отъ всѣхъ ложныхъ положеній, про которыя ты говоришь, что свидѣтели ихъ тебѣ неправильно приписали? Я охотно готовъ отречься отъ всякихъ заблужденій и присягнуть, что не буду впредь держаться никакого заблужденія, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я таковаго держался прежде.» Гусъ отвѣчалъ: «Король государь слово *отреченіе* не то значитъ.» Ему предлагали игру словъ, чтобы спасти ему жизнь, спасая и авторитетъ собора. Но чувство христіанской правды не допускало подобной сдѣлки. Когда Гусу, передъ казнію, возобновили это предложеніе, онъ обратился къ народу съ слѣдующими словами: «Вотъ эти епископы уговариваютъ меня произнести отреченіе. Боюсь это сдѣлать, дабы не стать лжецомъ предъ лицемъ Господа и не оскорбить совѣсти и правды Божіей, такъ какъ я никогда не держался тѣхъ положеній, которыя противъ меня лживо выставляютъ, а училъ, писалъ и проповѣдывалъ противное; наконецъ боюсь это сдѣлать, чтобы не ввести тѣмъ въ соблазнъ народное множество, которому я проповѣдывалъ, и другихъ вѣрныхъ проповѣдниковъ слова Божія!» И Гусъ предпочелъ костеръ двусмысленному слову.

Мѣрило христіанской правды, въ первый разъ съ полною искренностью приложенное Гусомъ къ римско-католической церкви, нанесло тысячелѣтнему созданію папъ тотъ громовой ударъ, съ

котораго начинается постепенное его разрушеніе и постепенное паденіе оковъ средневѣковой ѳеократіи. Православная церковь взирала на римско-католическую, какъ на одинъ изъ членовъ древней вселенской церкви, который, сохраняя преданіе истины, исказилъ ея чистоту противными ученію Христову нововведеніями. Если бы устранены были эти нововведенія (ученіе о главенствѣ папы и новые римскіе догматы), то возстановилось бы ученіе православія. Къ этому-то именно и стремился Гусъ. Онъ не думалъ, подобно основателямъ протестантскихъ сектъ, измыслить вновь истинную христіанскую церковь; онъ думалъ, что она должна существовать преемственно на основаніи преданій апостольскихъ и соборныхъ, и возставалъ только противъ антихристіанскихъ нововведеній Рима, въ чемъ онъ ихъ замѣчалъ, какъ-то противъ главенства и свѣтской власти папы, противъ торга отпущеніемъ грѣховъ и т. п. Словомъ, Гусъ стремился къ тому, чего хотѣла православная церковь. Вотъ причина, почему православная церковь, всегда отвергавшая отъ себя всѣ протестантскія секты, не имѣла причины отвергнуть Гуса. Между протестантскими сектами и православіемъ различіе лежало въ принципахъ; между ученіемъ Гуса и православіемъ въ принципахъ было согласіе, и потому вся система вѣроученія Гусова имѣла гораздо болѣе православный, нежели протестантскій характеръ. [1]) Несходство съ православнымъ исповѣданіемъ истекало у

---

[1]) Чтобы дать понятіе объ ученіи Гуса, приводимъ сущность этого ученія, какъ его излагаетъ въ своей «Histoire du concile de Constance» извѣстный французскій писатель Ланфанъ (Lenfant), протестантъ, жившій въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка (ум. 1728). Никто конечно не заподозритъ его въ намѣреніи сблизить Гуса съ православіемъ. Приводимъ съ сокращеніями подлинныя слова Ланфана: «Quant à ses hérésies, il n'est pas trop aisé de savoir précisement en quoi elles consistoient. Ce ne fut point la doctrine de le Communion sous les deux Espéces qui fut le motif de sa condamnation, comme on l'a prouvé ailleurs d'une manière incontestable, et comme cela paroît évidemment par son examen public, on ne lui reprocha jamais cet article. Il n'est pas moins clair, qu'il croyoit la *Transsubstantiation*, et la *présence réelle*.

«Il paraît par plusieurs de ses lettres, qu'il attribuoit une très grande efficace à *l'Intercession des Saints*.

«A l'egard de *l'adoration des Images*, quoique Jean Hus eût fait un traité contre ce culte, il reconnoît pourtant dans ce traité même, *que l'on peut fléchir les genoux, addresser des prières, offrir des dons et allumer des cierges devant l'image de Jésus-Christ et devant celles de quelque Saint que ce soit, pourvû qu'on ne le fasse pas pour l'image même, mais pour celui dont elle est l'image*.

«Il étoit bien persuadé aussi de la *necessité de la Confession*, puisqu'il voulut se confesser, et qu'il se confessa en effet avant sa mort; s'il le refusa à l'heure même de

него единственно изъ богословской школы Рима. Воспитанный всецѣло въ средневѣковой латинской схоластикѣ, онъ принималъ на вѣру многія ея положенія, которыя она выдавала за догматы вселенской церкви. Такъ онъ безпрекословно принималъ ученіе о чистилищѣ и ему въ голову не приходило, что это позднѣйшая выдумка папъ. Но стоило только возникнуть вопросу, и Гусъ становился на ту сторону, на которой стояла православная церковь. Мы видимъ тому самый очевидный примѣръ въ вопросѣ о причащеніи. Гусъ до послѣдняго года своей жизни не высказывался противъ установленнаго Римскою церковью обряда. Между тѣмъ въ Чехіи сохранялся еще древній обычай причащать мірянъ подъ видомъ хлѣба и вина. Это вызвало споры, и друзья написали Гусу, когда онъ былъ уже въ Констанцѣ, прося его разъяснить дѣло. Такимъ образомъ, будучи вызванъ на то, чтобы отнестись къ этому вопросу критически, Гусъ тотчасъ замѣтилъ римскую неправду и отвѣчалъ особымъ разсужденіемъ, въ которомъ доказывалъ положительно, что и мірянамъ слѣдуетъ причащаться крови Христовой подъ видомъ вина. При этомъ онъ писалъ своимъ друзьямъ: «Вотъ вамъ о таинствѣ чаши сочиненіе, которое я составилъ въ Констанцѣ. Въ немъ изложены доводы, и я не могу сказать ничего другаго, какъ только то, что евангеліе и посланіе Павла говорятъ прямо (о причащеніи подъ обоими видами) и что этого держалась первобытная церковь. Если возможно, постарайтесь (на соборѣ), чтобы по крайней мѣрѣ дозволено было буллою причащаться изъ чаши тѣмъ, которые будутъ этого просить изъ благочестія.»

---

son supplice, ce fut parce qu'on ne lui offroit la confession, que sous une condition qu'il croyoit ne pouvoir pas accepter en bonne conscience.

«Il reconnoissoit aussi les sept Sacremens de l'Eglise Romaine, comme cela paroît par un des articles qu'on lui objecta, où il dit, que les sept Sacremens sont mal administrez par un mauvais prêtre.

«Je ne remarque pas non plus qu'il eût sur le sujet de la *Tradition* d'autres sentimens que ceux des Docteurs le plus éclairez. Car dans tous ses ouvrages, il se prend comme eux à prouver ce qu'il avance par l'Ecriture et par la Tradition, c'est-à-dire, par l'autorité des Pères et des Conciles.

«Encore une fois, à quoi se reduiront donc les hérésies de ce Docteur de Boheme? Une des plus grandes, à mon avis, c'est d'avoir enseigné, que l'Eglise Romaine n'est point la Mére et le Chef de l'Eglise universelle, que le Pape et les Cardinaux ne sont point essentiels à l'Eglise, et qu'elle pourroit bien s'en passer. Mais ce n'est pas une doctrine qui fut inouïe dans ce tems-là, et je ne croi pas qu'elle parût fort étrange à une bonne partie de la Chrétienté, sur tout depuis le grand Schisme d'Occident» (tome-1-er, p. 414—424).

Характеристичны слова Гуса относительно вопроса объ исхожденіи Св. Духа. Этотъ чисто догматическій вопросъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые менѣе всего заботили Гуса, и онъ его не разбиралъ въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ *). Но онъ взялся написать для народа, на чешскомъ языкѣ, изложеніе символа вѣры, и вопросъ этотъ ему представился. «Въ символѣ, пишетъ онъ, сказано о Св. Духѣ: «иже отъ Отца и Сына исходящаго». Разумѣй здѣсь не тѣлесное исхожденіе, ибо исхожденіе Духа Святаго есть бытіе отъ Отца и Сына. Этотъ членъ символа относится къ Грекамъ, ибо говорятъ, будто Греки придерживаются того мнѣнія, что Духъ Святой не исходитъ отъ Сына, но только отъ Отца. Но какъ нѣкоторые святые, какъ-то Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ и другіе великіе ихъ святые держали истинную вѣру, то я, не зная подлинно дѣла, не хочу взваливать на нихъ какое либо обвиненіе, особливо въ вопросѣ вѣры. Ибо я говорилъ съ ними, и они мнѣ сказывали, что Духъ Святой исходитъ отъ Сына, но они объясняютъ это другимъ образомъ, нежели мы. А если бы люди имѣли тщаніе къ вѣрѣ и съ нашей и съ ихъ стороны, да не были бы высокомѣрны, то скоро бы соединились въ мысли, хотя и различествуютъ немного въ словахъ (бръзы бы се съедналн въ умыслу, ачъ се мало въ словахъ дѣле)».

На этихъ словахъ останавливаемъ въ особенности вниманіе читателя, потому что они помогутъ намъ опредѣлить отношеніе Гуса къ современной ему православной церкви. Этотъ вопросъ долженъ быть совершенно отдѣленъ отъ вопроса объ отношеніи его ученія къ принципамъ православной церкви. Въ ученіи своемъ Гусъ, какъ мы видѣли, становился на православную почву. Но было бы крайнимъ недоразумѣніемъ думать, что онъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ православной церкви или даже имѣлъ о ней точное понятіе **). Время для этого было самое неблагопріятное. Гусъ жилъ въ промежутокъ послѣ паденія православныхъ славянскихъ государствъ на Дунаѣ и до греческой

*) Только въ одномъ изъ нихъ: «Explicatio in VII epistolas canonicas», онъ упоминаетъ объ этомъ догматѣ и при этомъ принимаетъ на вѣру показаніе схоластика Петра Ломбарда (Magister Sententiarum) о томъ, яко бы всѣ отцы греческой церкви держались въ этомъ отношеніи одинаковаго ученія съ римскимъ (Historia et Mon. J. Hus. II. 176).

**) Гусъ, какъ видно изъ его сочиненій, зналъ отцовъ Восточной церкви лишь на столько, на сколько они были извѣстны тогдашней римской богословской школѣ, т. е. въ плохихъ и нерѣдко умышленно искаженныхъ латинскихъ переводахъ.

эмиграціи, послѣдовавшей за взятіемъ Константинополя, въ то время когда Ягелло водворялъ католичество въ Литвѣ, когда московская Русь едва оправлялась отъ нашествія Тохтамыша и дрожала передъ Тамерланомъ. Православные, являвшіеся на западъ, были униженные послы Византіи, молившіе папу и западныхъ государей о защитѣ и обѣщавшіе подчиненіе римскому первосвященнику. Ни въ какой періодъ исторіи православная церковь не могла имѣть такъ мало значенія въ глазахъ западнаго человѣка. Но Гусъ и его ближайшій другъ и сотрудникъ, Іеронимъ Пражскій, едва ли не болѣе всѣхъ своихъ современниковъ на западѣ обращали на нее вниманіе. Іеронимъ, въ публичной рѣчи передъ Констанцкимъ соборомъ, заявлялъ, что Чехи ведутъ свое начало (въ духовномъ отношеніи) отъ Грековъ и приписывалъ этому вліяніе на всю послѣдующую религіозную жизнь своего отечества *). Фактъ, значеніе котораго такъ ясно сознавалъ Іеронимъ, не могъ быть безвѣстенъ Гусу. Кромѣ того, православная церковь его привлекала и сама по себѣ, какъ христіанское общество, восходившее ко временамъ апостольскимъ, которое существуетъ безъ папской власти. На это указалъ уже Виклефъ въ одномъ изъ своихъ положеній **) и Гусъ доказывалъ примѣромъ греческой церкви, что папская власть не имѣетъ божественнаго начала. «Прежде человѣческаго установленія, которымъ учреждена дотація папы и кардиналовъ, писалъ Гусъ, христіане не имѣли надобности прибѣгать къ папѣ и кардиналамъ. Да и теперь не всѣхъ вѣрующихъ, разсѣянныхъ во вселенной, Христосъ принуждаетъ къ нимъ прибѣгать, какъ не прибѣгаютъ къ нимъ Индійцы и Греки, о которыхъ не дай Богъ думать, чтобы всякій изъ нихъ подлежалъ осужденію» ***). Гусъ несомнѣнно интересовался Восточною церковью и зналъ или чувствовалъ, мы это видѣли изъ его собственныхъ словъ, что ея великіе святители исповѣдывали истинную вѣру; онъ чувствовалъ легкую возможность соединенія съ нею, сознавая, что его собственная вѣра лишь кое въ чемъ „на словахъ", но не въ „умыслѣ" разнится отъ исповѣданія Восточной церкви. Онъ и разспрашивалъ про нее православныхъ, съ которыми встрѣчался. Отвѣтъ, какой онъ получилъ отъ нихъ относительно вопроса объ ис-

---

*) Подлинныя слова Іеронима будутъ приведены ниже, стран. 23.

**) «Quod post Urbanum VI non est alius recipiendus in papam, sed vivendum est more Graecorum sub legibus propriis», въ числѣ 45 articuli M. Ioannis Wiclef (см. Documenta Mag. J. Hus 328).

***) Responsio ad Scripta m. Stanislai. Mon. I. 356.

хожденіи Св. Духа, показываетъ, что то были люди, не умѣвшіе растолковать ему въ точности догматы своей церкви,—скорѣе всего какіе нибудь купцы изъ Грековъ или южныхъ Славянъ, заѣзжавшіе въ Прагу, которая была тогда важнымъ торговымъ центромъ. Весьма вѣроятно, что, не удовлетворяясь распросомъ такихъ случайныхъ путешественниковъ, Гусъ счелъ необходимымъ войти въ непосредственныя сношенія съ православными землями. Иначе трудно понять причину путешествія, предпринятаго въ 1413 г. его любимымъ товарищемъ и ближайшимъ ученикомъ Іеронимомъ въ Литву и Русь. Объ этомъ путешествіи говорится слѣдующее въ обвинительныхъ пунктахъ, представленныхъ инквизиторомъ (instigator seu promotor haereticæ pravitatis) Констанцкому собору при процессѣ Іеронима:

„Въ русскомъ краѣ существуетъ издавна многолюдный городъ, называемый Витебскъ (Wytesco). Въ этомъ городѣ жители по большей части Русскіе или схизматики, придерживающіеся греческой секты, во многомъ уклоняющіеся отъ христіанской вѣры и заблуждающіеся. Въ этомъ городѣ есть соборная церковь русскаго закона, и существуетъ также монастырь францисканцевъ *), живущихъ по закону истинныхъ христіанъ (т. е. католиковъ). У этого города протекаетъ судоходная рѣка, по которой сообщаются люди той мѣстности. Въ лѣто Господне 1413, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, свѣтлѣйшій князь Витольдъ, братъ е. в. короля Польскаго, прибылъ по той рѣкѣ въ означенный городъ Витебскъ съ большимъ войскомъ и свитою, въ числѣ которой находился лично Іеронимъ Пражскій. Фратры и благочестивые христіане означеннаго города вышли тогда на встрѣчу къ помянутому государю князю съ процессіею и хоругвями и священными мощами. А вышесказанные Русскіе или схизматики, съ ихъ превратными мощами и иконами, по своему проклятому обычаю, проклятою своею процессіею вышли также на встрѣчу помянутому государю князю и приняли его при его въѣздѣ. Вышесказанный же Іеронимъ, во время означеннаго въѣзда, покинувъ и презрѣвъ процессію вышесказанныхъ монашествующихъ братій и христіанъ (т. е. католиковъ), пошелъ къ процессіи вышесказанныхъ Русскихъ, схизматическихъ и невѣрныхъ людей. И тамъ, въ присутствіи до четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ обоего пола, преклонивъ колѣна, онъ сталъ поклоняться превратнымъ мощамъ и образамъ означенныхъ невѣрныхъ, схизматиковъ и Русскихъ, явно

*) По другому чтенію доминканцевъ (praedicatorum).

и публично, обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ и отвращаясь отъ исповѣданья вѣрныхъ христіанъ.

„Іеронимъ въ слѣдующее за тѣмъ время поклонялся явно и публично превратнымъ мощамъ и образамъ, въ поруганіе христіанской вѣрѣ, говоря и утверждая положительно, насколько онъ могъ и отъ него зависѣло, что означенная секта помянутыхъ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ и ихъ вѣра будетъ и есть совершенная.

„Тотъ же Іеронимъ, на сколько могъ, тщился, работалъ и старался, чтобы означеннаго государя князя, со всѣмъ его христіанскимъ народомъ, отвратить отъ христіанской вѣры и склонить оставаться въ сказанной сектѣ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ. И такъ было и есть дѣйствительно, публично и гласно.

„Затѣмъ означенный Іеронимъ въ присутствіи преподобнаго отца, г. епископа Виленскаго, на отеческія его увѣщанія, подтверждая скверными устами свои заблужденія, въ поруганіе христіанской вѣры сказалъ положительно, что означенные схизматики и Русскіе суть хорошіе христіане, и онъ пребылъ въ тѣхъ своихъ заблужденіяхъ, одобряя тѣхъ Русскихъ и ихъ превратную вѣру.

„Въ вышесказанныхъ краяхъ Россіи есть городъ Плесковъ, въ разстояніи около 100 нѣмецкихъ миль (milliaria teutonicalia) отъ границъ христіанъ. Означенный Іеронимъ въ лѣто господне 1413 прибылъ лично въ означенный городъ Плесковъ и вступилъ въ церковь или синагогу тѣхъ Русскихъ и невѣрныхъ, во время службы, для поклоненія превратнымъ ихъ таинствамъ. И тотъ Іеронимъ, въ присутствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ христіанъ, тамъ стоявшихъ, въ пренебреженіе ключей Петровыхъ, и въ поруганіе христіанской вѣры, а въ поддержаніе исповѣданья тѣхъ невѣрныхъ народовъ, преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ мнимыми ихъ дарами, явно, публично и гласно.

„Тотъ же Іеронимъ, дабы болѣе и болѣе понравиться вышесказаннымъ невѣрнымъ народамъ и показать имъ, что онъ слѣдуетъ ихъ сектѣ и превратной вѣрѣ, и уподобиться имъ и въ обычаяхъ, также какъ въ вѣрѣ, по обряду тѣхъ невѣрныхъ отпустилъ себѣ и носилъ длинную бороду *) и волосы, совершенно отринувъ и оста-

*) Ношеніе бороды здѣсь выставлено какъ признакъ перехода къ православнымъ, въ противоположность обычаю римскаго духовенства брить бороду; но въ XV вѣкѣ это была еще только придирка инквизитора. Въ западномъ духовенствѣ борода еще не была тогда такъ необычна, какъ теперь. Виклефъ и Гусъ изображаются оба съ бородою. Іеронимъ также носилъ бороду уже до путешествія въ Россію. Онъ явился съ бородою въ

вnвъ одѣяніе и тонсуру клирика. И такъ было и есть дѣйствительно" *).

Краковъ ко двору Ягеллы (см. письмо епископа Краковскаго отъ 2 апрѣля 1413 г. Docum. M. I. Hu., 506) и тамъ сбрилъ ее; если онъ затѣмъ, присоединившись къ свитѣ Витольда, опять отпустилъ себѣ бороду, то это дѣйствительно могло быть изъ подражанія русскому духовенству.

*) По важности дѣла, считаемъ полезнымъ привести здѣсь подлинный текстъ этихъ показаній инквизитора, нѣсколько нами сокращенный въ переводѣ.

Въ первоначальномъ допросѣ 27 апрѣля 1416 г. Іерониму предложены были между прочимъ слѣдующіе обвинительные пункты (v. d. Hardt, Constant. Conc. IV, 634 и слѣд.: «Articuli dati in causa fidei contra Hieronymum de Praga, per Joannem de Rocha praelecti»):

Ст. 29-ая: Item, idem Hieronymus in regno Poloniæ dissensionem magnam fecit et propter infamiam hæreseos cum captivari debuit, furtive recessit et evasit.

(Отвѣтъ Іеронима) *Negat articulum esse verum.*

Ст. 30-ая: Item, quod Anno Domini MCCCCXII de mense Aprilis dictus Hieronymus, seductor et perversus prædicator, fideles factos, ad religionem Christianam conversos, ad infidelitatem errorum reducere conatus est. Et præsertim in Lithuania et Russia, intrans ecclesias eorum, fidem seu perfidiam praetulit fidei communi Christianae. A quibus magna munera ex hoc reportavit. Et de hoc fuit publica vox et fama in Polonia et Bohemia.

(Отвѣтъ Іеронима) *Respondit, quod illi erant baptizati secundum ritum Graecorum. Et ipse Hieronymus interrogatus per Ducem Wytoldum et episcopum loci illius, si erant rebaptizandi, Hieronymus consuluit, quod non, sed simpliciter in fide Romana instruendi.*

Затѣмъ въ концѣ того же засѣданія 27-го апрѣля предъявлены были дополнительные пункты, подъ названіемъ Additiones ad articulos Hieronymi, per Instigatorem seu Promotorem haereticae pravitatis datae (v. d. Hardt, тамъ же 646—691) и здѣсь мы читаемъ, что «означенный инквизиторъ повторилъ статьи прежняго обвинительнаго акта, именно статью XXVIII-ую (должно быть по счету XXIX), начинающую словами: Jtem quod idem Hieronymus in regno Poloniae dissensionem magnam fecit; и XXIX-тую (т. е. по счету XXX-тую), которая начинается словами: Item, quod de Anno Domini MCCCCXII (читай MCCCCXIII) et de mense Aprilis и проч., и затѣмъ, повторивъ эти статьи, прибавилъ къ нимъ нижеслѣдующее:

«Item ponit et probare intendit, quod in partibus Russiæ à decem, viginti, triginta, quadraginta, quinquaginta, sexaginta annis proxime praeteritis, et citra et supra, et à tempore et per tempus, cujus initii, sive contrarii memoria homini non existit, fuit, esseque consuevit et hodie est quoddam populosum oppidum, vocatum communiter et appellatum oppidum Wytesco; quodque a dictis temporibus et per ista tempora in dicto oppido fuerunt, esseque consueverunt, et hodie sunt homines pro majori parte Ruteni, sive Schismatic sectam Græcorum tenentes, à fide Christiana multum deviantes et errantes. Et sic fuit et est verum.

«Item, quod in isto oppido ab eisdem temporibus, et per ipsa tempora, fuit esseque consuevit et hodiè est quædam Ecclesia Cathedralis secundum ritum praedictorum Ruthe-

Мы нарочно привели въ ихъ офиціальной формѣ показанія, представленныя римскою инквизиціею о поступкахъ Іеронима въ Литвѣ и Руси. Въ началѣ XV вѣка переходъ западнаго человѣка въ «русскую схизму» былъ такъ необыченъ, что нельзя здѣсь подозрѣвать выдумки со стороны инквизиціи, тѣмъ болѣе что Іеронимъ на до-

---

norum; nec non etiam quoddam monasterium fratium minorum (in Lips. et Goth. praedicatorum) secundum ritum verorum Christanorum viventium et degentium.

«Item, quod juxta praedictum oppidum ab eisdem temporibus, fuit, esseque consuevit, et hodie est, quoddam flumen navigabile, per quod communiter homines partium prædictarum navigare solebant et solent.

«Item, quod A. D. MCCCCXIII et de mense (hic in Brausv. spatium, in reliquis plane omissum; Labb. mense Aprilis) ejusdem anni, illustris Princeps Dux Wytoldus, frater serenissimi Principis, Regis Poloniæ, ad prædictum oppidum Wytesco (in Goth. Witzlo) cum magno exercitu et comitiva accessit per flumen prædictum, quodque Hieronymus de Praga simili modo in prædicta comitiva interfuit personaliter.

«Item, quod fratres et religiosi Christiani oppidi prædicti, anno et mense prædictis, tempore prædicti accessus, secundum verum ritum fidelium Christianorum cum processione et vexillis et reliquiis sacris, dicto Domino Duci obviam venerunt et exiverunt.

«Item, quod tempore accessus praedicti Rutheni sive Schismatici, cum reliquiis eorum perversis et tabulis depictis, more ipsorum damnato, etiam damnata processione præfato Domino Duci obviam venerunt et ipsum in prædicto adventu susceperunt.

«Item, quod prædictus Hieronymus tempore prædicti accessus, omissa et spreta processione prædictorum fratrum religiosorum et Christianorum, ivit ad processionem prædictorum Ruthenorum schismaticorum et infidelium gentium. Nec non ibidem in præsentia quasi quatuor vel quinque millium hominum, sexus utriusque, flexis genibus, reliquias et tabulas depictas perversas prædictorum infidelium schismaticorum et Ruthenorum venerabatur, palàm et publicè, se ad sectam eorumdem infidelium schismaticorum convertendo et à communione Christi fidelium se divertendo.

«Item, quod præfatus Hieronymus tempore proximè præscripto prædictas reliquias et tabulas perversas, genibus flexis venerabatur palam et publicè, in contemtum religionis Christianæ, dicens et affirmans expresse, quantum potuit, et in eo fuit, dictam sectam prædictorum Ruthenorum et infidelium populorum ipsorumque fidem fore et esse perfectam.

«Item, quod idem Hieronymus quantum potuit circa præfatum Dn. Ducem institit et laboravit, et conabatur, dictum Dn. Ducem cum tota gente sua Christiana a fide Christiana avertere, et ad permanendum in dicta secta Ruthenorum et infidelium populorum inducere. Et sic fuit et est verum, publicum et notorium.

«Item, quod supradictus Hieronymus post prædicta, coram reverendo patre, Domino Episcopo Wylnensi constitutus, dum præmissis suis erroribus et excessibus reprehenderetur paterne, ore polluto in contemtum religionis Christianæ suos errores confirmando, dixit expressè, quod prædicti schismatici et Rutheni essent boni Christiani. Quodque idem Dominus Episcopus eidem Hieronymo in faciem suam tunc restitit, dicens: quod non diceret, eos esse bonos Christianos. Ipse vero Hieronymus in eisdem suis erroribus permansit, eosdem Ruthenos et fidem ipsorum perversam approbando. Et sic fuit et est verum.

«Item, quod de præmissis omnibus et singulis fuit et est publica vox et fama.

«Item, ponit et probare intendit, quod à temporibus, supra in primo articulo descriptis, per spa tempora, in prædictis partibus Russiæ fuit esseque consvevit et hodiè est

просѣ передъ соборомъ призналъ справедливость этого пункта обвиненія и сказалъ, что готовъ и теперь защищать мнѣнія, ему въ этомъ пунктѣ приписываемыя *).

И такъ православная церковь, когда съ нею встрѣтился ближайшій другъ и сотрудникъ Гуса, была имъ тотчасъ опознана, какъ представляющая въ дѣйствительности то, къ чему онъ стремился въ своемъ исканіи истинной вѣры. Если бы обстоятельства тому не помѣшали, Гусъ, по всей вѣроятности, призналъ бы, вслѣдъ за Іеронимомъ, прямо ученіе Восточной церкви и еще при немъ состоялось бы соединеніе его послѣдователей съ православною церковью, мелькнувшее въ исторіи при его преемникѣ Рокицанѣ. Что образъ дѣйствій Іеронима въ Польшѣ и въ Руси былъ сочувственъ Гусу, это доказывается несомнѣнно письмомъ, въ которомъ Гусъ высказалъ горькіе упреки профессору Вѣнскаго университета Сибарту за его неблагопріятные отзывы о путешествіи Іеронима въ Польшу. Гусъ писалъ ему слѣдующее: „Мало того, что ты дерзнулъ коснуться зубами почтеннаго магистра (Іеронима), ты коснулся и великихъ обществъ

quoddam oppidum, vocatum communiter et appellatum Pleskaw, quodque idem oppidum distabat, distareque solebat et adhuc distat à finibus Christianorum per centum milliaria Teutonicalia.

«Item quod praedictus Hieronymus A. D. 1410 (in Lips. et Goth. 1413) ad praedictum oppidum Pleskow personaliter accessit, nec non ecclesiam vel synagogam eorundem Ruthenorum et infidelium populorum intravit, infra officium ipsorum sacramentorum perversorum veneratione. Quodque idem Hieronymus tunc in præsentia nonnulorum Christi fidelium ibidem astantium, et in contemtum clavium et opprobrium religionis Christianæ, et ad confortationem ritus eorundem infidelium populorum, genibus flexis asertum sacramentum eorundem ibidem adorabat, palam, publice et notorie.

«Item quod ex præmissis quamplurima scandala inter Christianos et Ruthenos prædictos fuerunt et sunt exorta; eo maxime, quod idem Hieronymus tam publice infidelitatem, schisma et haeresin dictorum Ruthenorum approbavit, ac ipsos in eorum erroribus confortavit.

«Item quod idem Hieronymus ut magis ac magis prædictis infidelibus populis complacere posset, eisque, quod eorum sectam et perversam fidem sectaretur ostenderet, seque eis etiam in moribus comformaret, ad ritum eorundem infidelium longam barbam detulit, atque defert, ac comam, habitum et tonsuram clericales penitus abjiciendo et omittendo. Et sic fuit et est verum.

«Item, quod de praemissis omnibus et singulis fuit et est publica vox et fama, praesertim in civitatibus et dioecesi et provinciis Gneznensi, Pragensi, nechon in regnis Bohemiae et Poloniae ac marchionatu Moraviae, ac alibi, ubi de praemissis notitia habetur.»

*) Von der Hardt IV, 752: «Ad tricesimum articulum dixit (Hieronymus) esse verum. Quia defendit et hodie defenderet si posset». 30-й пунктъ обвиненія касается именно поѣздки Іеронима въ Литву и Русь. Этимъ замѣчаніемъ мы обязаны А. С. Будиловичу.

(communitates maximas); не довольно тебѣ было Богеміи, но ты осмѣлился въ своемъ преподаваніи, съ дьявольскою наглостью, заклеймить обвиненіемъ въ еретичествѣ царство Славянъ, но я надѣюсь, лживо, по невѣжеству (non suffecit tibi Bohemia, sed et Slavorum regnum in scholaribus temeritate diabolica haeresis crimine ausus es, sed spero mendaciter, annotare, nullam de aliquo habens experientiam *). О какомъ „царствѣ Славянъ“ говоритъ Гусъ, вознегодовавъ на вѣнскаго профессора, что онъ его назвалъ еретическимъ? Примемъ въ соображеніе обстоятельства дѣла. Этотъ профессоръ обзывалъ Іеронима сѣятелемъ ереси. Съ другой стороны римская инквизиція въ официальномъ актѣ представляла собору о томъ, какъ Іеронимъ въ Витебскѣ и Псковѣ провозглашалъ «схизму и ересь» Русскихъ истинною христіанскою вѣрою и уговаривалъ Витовта не переходить изъ нея въ католицизмъ. Въ то же время съ именемъ Іеронима въ лекціяхъ вѣнскаго богослова соединялось имя какого-то «царства Славянъ», кромѣ Богеміи, которое этотъ ученый Нѣмецъ дерзалъ называть еретическимъ; сопоставивъ все это, мы согласимся, что Славянское царство, обвиненіе котораго въ ереси казалось Гусу дьявольскою наглостью, была Русь. Этотъ отзывъ его крайне замѣчателенъ, и показываетъ, что если прежде мнѣніе его о Восточной церкви было нерѣшительно, то свѣдѣнія, какія ему доставило путешествіе Іеронима, разсѣяли туманъ, за которымъ она передъ нимъ скрывалась. Но было уже слишкомъ поздно. Прямое присоединеніе Гуса къ православной церкви, по примѣру Іеронима, могло бы послѣдовать только послѣ ихъ свиданія, ибо въ то время, конечно, невозможна была подробная переписка между человѣкомъ, скрывавшимся въ Чехіи отъ преслѣдованій, и его товарищемъ, путешествовавшимъ по Литвѣ и Руси. Гусъ уѣхалъ въ Констанцъ, Іеронимъ, возвратившись въ Чехію, поспѣшилъ за нимъ, былъ посаженъ въ тюрьму, и они уже не свидѣлись. Впрочемъ замѣчательно, что то лицо, которое послѣ Іеронима ближе всѣхъ стояло къ Гусу, его любимый ученикъ Петръ изъ Младеновицъ, сопровождавшій учителя въ Констанцъ, присутствовавшій при его допросахъ и казни и оставившій намъ ихъ описаніе, — явился впослѣдствіи первымъ глашатаемъ и руководителемъ мысли о присоединеніи Гуситовъ къ православной церкви **). Мы не рѣшаемся сказать, что Младеновицъ исполнялъ въ

*) Письмо Гуса къ Іоанну Сибарту въ Вѣну отъ 1 іюля 1413 года. Docum. m. Joh. Hus, 63.

**) Это утверждаетъ г. Палацкій, см. ниже, стран. 42.

этомъ положительный завѣтъ своего наставника; но во всякомъ случаѣ, Младеновицъ былъ именно тотъ изъ Гуситовъ, который *менѣе всѣхъ* могъ отступить отъ мысли великаго мученика. Какъ бы то ни было, мы полагаемъ, что даже и въ концѣ своей жизни, не смотря на поѣздку Іеронима, Гусъ не имѣлъ возможности опредѣлительно узнать ученіе православной церкви, и что его сочувствіе къ ней основывалось сперва на смутномъ гаданіи, подъ конецъ, быть можетъ, на общемъ впечатлѣніи, которое ему сообщилъ Іеронимъ, но не на окончательномъ догматическомъ рѣшеніи. Не вліяніе современной православной церкви, а внутреннее настроеніе духа должно быть признано источникомъ сродства Гусова ученія съ православіемъ.

II.

Остается вопросъ: откуда взялось это настроеніе? Было ли оно чисто индивуальнымъ явленіемъ, принадлежавшимъ личности Гуса, или оно находилось въ связи съ какими-нибудь преданіями православной церкви, хранившимися въ Чехіи со времени ея крещенія св. Меѳодіемъ? Это послѣднее мнѣніе не есть новость, это не догадка какихъ нибудь поклонниковъ православія въ наше время. Оно высказывалось въ XVI и XVII вѣкѣ Чехами-протестантами, преемниками гуситовъ. Съ наибольшею опредѣлительностью выразилъ его извѣстный писатель, послѣдователь секты чешскихъ братій, Странскій, который въ изданномъ имъ въ 1634 году сочиненіи о Чехіи (Respublica Bojema) утверждалъ, что послѣ вторженія въ Чехію католицизма и латинской іерархіи (въ X вѣкѣ), въ ней оставались приверженцы греческой вѣры, проповѣданной св. Меѳодіемъ; что когда дворянство и всѣ тѣ, которые подвергались вліянію нѣмецкому, покинули греческіе обряды, простой народъ упорно ихъ удерживалъ; что приверженцы греческой церкви имѣли свою преемственную іерархію и что Гусъ принадлежалъ къ этому преемству *). Странскій признается писателемъ вполнѣ добросовѣстнымъ, да и въ то время православная церковь была не въ такомъ положеніи, чтобы могъ быть поводъ нарочно выдумать подобный разсказъ. Несомнѣнно, что мнѣніе о преемственной передачѣ греческаго ученія отъ Меѳодія къ Гусу дѣйствительно существовало между Чехами въ XVII вѣкѣ. Но другой вопросъ: была ли такая преемственность на самомъ дѣлѣ?

*) См. приложеніе 2-е.

Историческую дѣйствительность этой преемственной связи признавалъ г. Новиковъ въ трудѣ, важное значеніе котораго до сихъ поръ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало оцѣнено въ чешской литературѣ. Противоположному мнѣнію далъ полное въ ней господство авторитетъ исторіографа Палацкаго, который, говоря о началахъ Гуситства, выразился такъ: „Неосновательнымъ кажется то, что утверждаютъ писатели новѣйшихъ вѣковъ, будто нѣкоторые обычаи и преданія церкви греко-славянской тайно сохранялись въ чешскомъ народѣ со временъ Меѳодія чрезъ всѣ позднѣйшія столѣтія. Мы по крайней мѣрѣ, по тщательномъ изслѣдованіи, не нашли тому слѣда во всѣхъ памятникахъ, предшествующихъ времени Гуса“. При этомъ г. Палацкій даже дѣлаетъ новѣйшимъ защитникамъ этого мнѣнія напоминаніе, „что исторія должна представлять лишь то, что по достовѣрнымъ извѣстіямъ дѣйствительно было, а не то, что по догадкѣ могло быть“ *).

Намъ кажется что этотъ урокъ, данный чешскимъ исторіографомъ нашимъ изслѣдователямъ **), ими не заслуженъ. Прежде всего невозможно въ этомъ вопросѣ обойти молчаніемъ, какъ то дѣлаетъ чешскій исторіографъ, показаніе самаго важнаго свидѣтеля, товарища Гусова, Іеронима. Мы объ этомъ показаніи уже упомянули вскользъ, здѣсь надобно на немъ остановиться. Іеронимъ, въ оправдательной своей рѣчи передъ соборомъ (26 мая 1416 г.) говорилъ, что онъ приписываетъ свое осужденіе своимъ же соотечественникамъ, Чехамъ и Нѣмцамъ, которые его возненавидѣли, и вотъ чѣмъ онъ объяснялъ эту ненависть, какъ записано въ актахъ собора: „Обратившись къ самому происхожденію чешскаго государства, Іеронимъ объяснилъ, что Чехи ведутъ свое начало (чрезъ крещеніе) отъ Грековъ; и была, толковалъ онъ, вражда между Греками и Нѣмцами (т.е. между приверженцами Восточной и Западной церкви), пока наконецъ чешское королевство досталось императору Карлу IV, который, учредивъ въ Прагѣ университетъ, каѳедры въ немъ, также какъ церковныя должности, замѣстилъ Нѣмцами, такъ что Чехи были отъ всего устранены. И противъ этого-то, продолжалъ Іеронимъ, я поднялъ голосъ вмѣстѣ съ магистромъ Іоанномъ Гу-

---

*) Dějiny, III, стр. 7 и 8.

**) Приведеннаго «напоминанія» нѣтъ въ нѣмецкомъ изданіи исторіи г. Палацкаго, 1845 г.; оно включено въ чешское изданіе, появившееся въ 1850 г., т. е. послѣ статей г. Елагина «объ исторіи Чехіи» и г. Новикова «Православіе у Чеховъ», напечатанныхъ въ 1848 году.

сомъ, котораго я всегда считалъ за доблестнаго, праведнаго и святаго мужа" *) и т. д.

Въ этомъ краткомъ и неполномъ изложенiи Iеронимовой рѣчи, какъ оно внесено въ акты собора, мы видимъ всю сущность того, что писалъ въ XVII в. Странскій. Потому никакъ нельзя сказать, чтобы мнѣніе, выраженное этимъ писателемъ, принадлежало только новѣйшимъ вѣкамъ: ибо какъ Странскій возводилъ источникъ проповѣди Гуса къ православному началу христіанской церкви въ Чехіи, точно также (на то мы привели документальное свидѣтельство), смотрѣлъ на дѣло человѣкъ ближайшій къ Гусу, лучше всѣхъ на свѣтѣ знавшій его.

Но эта связь могла быть только *мнѣніемъ* Iеронима, а не дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ; онъ могъ ее даже придумать нарочно какъ аргументъ для полемики съ Римлянами, чтобы на обвиненіе Гуса въ новшествѣ отвѣчать ссылкою, возводившею его духовнымъ родословіемъ къ первоначальнымъ проповѣдникамъ христіанства у Чеховъ. Мы предвидимъ такое возраженіе, и потому

---

*) V. d. Hardt IV, 758. Et descendendo ad speciem, dixit (Hieronymus), quod per neminem condemnaretur, nisi per suos de Bohemia, et Teutonicos, qui odio ipsum haberent. Et allegando causam odii, dixit, incipiendo, qualiter regnum Bohemiæ fuisset constructum, et Bohemi descendissent a Graecis. Et quomodo fuisset invidia inter Graecos et Teutonicos, et tandem devenisset illud regnum Bohemiæ ad manus imperatoris Caroli IV. Qui Carolus IV existens rex Bohemiæ, videns Bohemiam terram opulentam, victualibus, auro et argento non carentem, nisi hominibus literatis, et quod sui subditi exiverant regnum pro capienda doctrina ad alia loca, videlicet Parisios vel alibi, pro recipiendis gradibus magistratus aut doctoratus: volens ergo ipse Dominus Carolus dotare regnum Bohemiæ et civitatem Pragensem, fundavit et erexit studium generale ibidem, in quo studio fuerunt plures Teutonici et in præbendis ecclesiarum collocabantur, ita quod Bohemi nihil habebant. Et quando unus Bohemus fuit graduatus in artibus, si alias non habebat vivere, oportuit eum ire per villas et oppida, et regere scholas particulares, acquirendo cum hoc victum suum. Et Teutonici gubernabant studium Pragense totaliter, et omnia beneficia, et tenebant sigillum fundationis studii et omnia clenodia dicti studii Pragensis. Et habebant in dicto studio tres voces, videlicet Bavaricam, Saxonicam, et plus quam medietatem Polonorum: cum, dixit, Slesitae, qui sunt de natione Polonica, essent omnes Teutonici, ita quod veri Poloni minorem partem habebant. Et quicquid Teutonici facerent et fecissent in ipso studio, habebatur pro facto; Bohemi vero nihil potuerunt facere. Similiter dixit esse de Laicis. Quoniam in civitate Pragensi et in consilio civitatis essent octodecim viri, quorum sedecim fuissent Teutonici et duo Bohemi. Et quod totum regnum gubernabatur per Teutonicos, et omnia officia secularia habebant, et laici Bohemi pro nihilo reputabantur. Jpse vero Hieronymus videns hoc, una cum magistro Iohanne Huss, quem semper, ut dixit, tenebat pro valenti, justo et sancto viro, volentes his resistere, iverunt ad regem Bohemiæ modernum, exponentes sibi talia, cum aliis nobilibus de Bohemia, concludentes, quod talia essent res mali exempli, et tenderent in destructionem linguæ Bohemicalis etc.

отъ мнѣній переходимъ къ фактамъ. Мы имѣемъ передъ собою слѣдующія данныя: Гусъ преподавалъ ученіе, во всемъ существенномъ тождественное съ вѣрою православной церкви и это тождество было признано, при жизни его непосредственныхъ учениковъ, соборнымъ постановленіемъ вселенскаго патріархата; Гусъ признавалъ, что великіе святые православной церкви держали истинную вѣру и что между исповѣданіемъ Восточной церкви и тѣмъ, которому онъ слѣдовалъ, было только нѣкоторое различіе въ выраженіяхъ, но не въ смыслѣ; его ближайшій сотрудникъ и другъ Іеронимъ публично свидѣтельствовалъ, что вѣра, исповѣдуемая Русскими, есть совершенная. Это историческія факты, засвидѣтельствованные достовѣрными документами. Съ другой стороны, тоже не догадка, а фактъ, что обрядъ причащенія подъ обоими видами, который сдѣлался главнымъ символомъ гуситства, существовалъ въ Чехіи до Гуса. Именно тотъ проповѣдникъ, котораго Странскій именуетъ непосредственнымъ предшественникомъ Гуса въ преемственномъ храненіи Меѳодіева преданія,—Матвѣй изъ Янова (умеръ въ 1394 г.) держался этого обряда. Въ 1388 г. былъ въ Прагѣ соборъ, осудившій за это Матвѣя. Г. Палацкій выражаетъ сожалѣніе, что акты этого собора до сихъ поръ не отысканы, такъ какъ они разъяснили бы вопросъ, уже въ XV вѣкѣ возбуждавшій споры: былъ ли Матвѣй изъ Янова первый, введшій въ Чехіи причащеніе подъ обоими видами? Дѣйствительно жаль этихъ документовъ, но самъ же г. Палацкій и безъ нихъ приводитъ такой фактъ, который прямо разрѣшаетъ вопросъ. „Нигдѣ, въ своихъ сочиненіяхъ намъ извѣстныхъ, говоритъ онъ, Матвѣй изъ Янова не высказывается открыто и положительно въ пользу причащенія подъ обоими видами; а напротивъ того онъ во многихъ мѣстахъ выражается такъ, какъ бы этотъ способъ причащенія разумѣлся самъ собою и дѣйствительно существовалъ на практикѣ" *). Этого достаточно. Свидѣтельство чешскаго исторіографа, извлеченное изъ чтенія сочиненій Матвѣя Яновскаго (досель неизданныхъ), исключаетъ возможность предположенія, будто этотъ проповѣдникъ былъ изобрѣтателемъ въ Чехіи причащенія по православному обряду. Нововводитель, предлагающій церковный догматъ или обрядъ, прежде не существовавшій, не можетъ избѣгнуть необходимости высказаться положительно въ защиту своего мнѣнія и не станетъ говорить о

*) Die Vorläufer des Husitenthum 2 изд. стр. 56. Тоже повторяетъ г. Палацкій и въ своихъ Dějiny III 30.

немъ, какъ о фактѣ, который самъ собою разумѣется и существуетъ на практикѣ.

Нить греко-славянскаго преданія въ чешской церкви совершенно явственна отъ Меѳодія до изгнанія славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря *) и замѣны въ немъ славянскихъ книгъ латинскими въ 1097 г. Послѣ того нить теряется и признаки этого преданія становятся такъ слабы, что ихъ въ памятникахъ, намъ доступныхъ, почти незамѣтно. Казалось бы, что въ 200 слишкомъ лѣтъ полнаго господства латинства самая память о греко-славянскомъ началѣ христіанскаго исповѣданія въ Чехіи должна была исчезнуть. Римская церковь причисляла Кирилла и Меѳодія къ своимъ святымъ, она выдавала ихъ за проповѣдниковъ католицизма. Могли ли Чехи этому не повѣрить, когда латинское вліяніе со всѣхъ сторонъ ихъ окружало и повидимому господствовало всецѣло надъ ихъ умами? Мы имѣемъ передъ собою примѣръ Польши. Она также первоначально получила христіанство отъ св. Меѳодія и славянское богослуженіе продолжалось въ ней нѣкоторое время, однако преданіе объ этомъ совершенно утратилось между Поляками, не смотря на то, что они находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ православнымъ міромъ. Какъ же могло это преданіе жить въ Чехіи?

Между тѣмъ развертываемъ риѳмованную хронику чешскую (такъ называемую Далимилову), писанную между 1282 и 1314 гг. какимъ то чешскимъ рыцаремъ, и находимъ въ ней слѣдующее повѣствованіе о началѣ христіанства въ Чехіи.

„Архіепископъ велеградскій Меѳодій, который крестилъ чешскаго князя Боривоя, говоритъ хроника, былъ Русинъ, обѣдню служилъ по-славянски“ **). Эта нелѣпость, будто просвѣтитель Чехіи былъ родомъ Русскій, заключаетъ въ себѣ однако важное историческое свидѣтельство и оно въ своемъ родѣ стоитъ документа. Русскіе были единственный народъ, исповѣдывавшій православную вѣру, о которомъ Чехи имѣли нѣкоторое понятіе. Стало быть, если въ 1300 г. могло существовать у нихъ мнѣніе будто человѣкъ, обратившій ихъ въ христіанство, былъ Русскій, то это доказываетъ несомнѣнно

---

*) См. Новикова, «Православіе у Чеховъ».

**) (Боривой)—Проси кръста отъ Сватоплука моравскего
А отъ Методѣе арцибискупа велеградскего:
Тевъ арцибискупъ Русинъ бѣше,
Мшу сву словапскы служѣше.

что они еще въ то время не забыли о православномъ началѣ своей церкви.

Весьма важно знать, какую церковь народъ считаетъ у себя первоначальною; ибо, какъ бы ни мѣнялись религіозныя его убѣжденія, для народа вещь немыслимая, чтобы первоначальная форма, въ какой онъ принялъ христіанство, не была истинная. Подобное убѣжденіе можетъ быть плодомъ книжнаго ученія; образованный Англичанинъ или Нѣмецъ, или нашъ сектантъ, если онъ человѣкъ знакомый съ исторіею, долженъ признать, что религія, проповѣданная его предкамъ, заключала въ себѣ заблужденія, отъ которыхъ она освободилась въ послѣдствіи: но скажите простому человѣку, какой бы то ни было секты *), въ Англіи, въ Германіи или въ Россіи, что то самое исповѣданіе, которое онъ обзываетъ идолопоклонствомъ или никоніанствомъ, было *первоначальною* формою, въ которой его предки приняли христіанство, — онъ этому никогда не повѣритъ. онъ убѣжденъ, что предки его *первоначально* получили *истинную* вѣру. Такимъ образомъ записанное въ Далимиловой хроникѣ сказаніе является неопровержимымъ свидѣтельствомъ существованія въ концѣ XIII или началѣ XIV вѣка между Чехами убѣжденія, что вѣра, исповѣдываемая русскими, та вѣра, при которой обѣдню служатъ на славянскомъ языкѣ, есть ихъ первоначальная вѣра. стало быть вѣра истинная. Этому взгляду вовсе не противорѣчитъ то, что и авторъ Далимиловой хроники и его современники ходили въ католическую церковь, исповѣдывали догматы Рима, признавали власть папы и проч. Пока религіозный вопросъ не возбужденъ и отъ народа не требуется категорическаго рѣшенія, онъ легко миритъ память прошлаго съ фактомъ настоящаго. Такое явленіе мы видимъ и теперь въ католическихъ мѣстностяхъ Босніи, Герцеговины, австрійской военной границы и т. д. Каждый простолюдинъ—католикъ въ тѣхъ краяхъ (если только онъ не состоялъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ латинскаго монаха) скажетъ, что вѣра, исповѣдуемая православными, есть старѣйшая вѣра, что молитвы православнаго „попа“ крѣпче и угоднѣе Богу, чѣмъ молитвы латинскаго „фратера“; но при всемъ томъ онъ набожно исполняетъ обряды латинской церкви, въ которой родился и въ которую невольно и для нихъ самихъ незамѣтно попали его дѣды или прадѣды, и, признавая за православною вѣрою первенство, вовсе не думаетъ перейти въ нее.

---

*) Разумѣется, кромѣ тѣхъ сектъ, которыя допускаютъ новое откровеніе послѣ Христа.

Нѣчто подобное, мы полагаемъ, представляла Чехія въ промежутокъ времени отъ погрома Сазавскаго монастыря до половины XIV вѣка. Религіозная мысль въ народѣ дремала, и латинская церковь, поддерживаемая свѣтскими властями и нѣмецкими колонистами, наводнявшими Чехію въ это время, господствовала въ ней безпрепятственно; но тѣмъ не менѣе между славянскимъ населеніемъ были люди, которые помнили, что ихъ первоначальная церковь была иная, что были какія-то старыя славянскія молитвы, болѣе угодныя Богу, чѣмъ латинскія; люди эти дѣлали оппозицію латинству, не думая выходить изъ единственной, господствовавшей тогда въ Чехіи церкви, римско-католической. Этотъ духъ оппозиціи долженъ былъ таиться преимущественно въ низшихъ слояхъ населенія, хранившихъ славянскую старину, которую высшіе классы охотно промѣняли на германизмъ и неразлучное съ нимъ въ славянскихъ земляхъ латинство.

Выше мы упомянули объ извѣстіи Странскаго, что простой народъ Чехіи упорно сохранялъ обряды православной церкви (tenuiores et plebs, rebus domi praesentibus contenta, græci ritus sacra tenaciter servabat): это свидѣтельство заслуживало бы тщательной повѣрки. Вотъ между прочимъ одно указаніе. Отъ Гуса *) мы узнаемъ, что въ его время у Чеховъ слова kostel и cierkev различались въ просторѣчіи въ томъ смыслѣ, что kostel означало церковь *каменную*, а cierkev—*деревянную*. Отчего бы произошло это странное различіе? Припомнимъ, что у Поляковъ слово kosciol принимается въ смыслѣ храма католическаго, а cerkiew въ смыслѣ — православнаго. Случайное ли это совпаденіе, что то слово, которымъ Полякъ означаетъ римско-католическую церковь, Чехъ употреблялъ въ значеніи храма каменнаго, т. е. по преимуществу городскаго или по крайней мѣрѣ богатаго, а слово, имѣющее для Поляка значеніе православнаго храма, у Чеха означало деревянную, т. е. главнымъ образомъ сельскую церковь **)? Мы не слишкомъ напираемъ на этомъ фактѣ, при всей его знаменательности, но, сличая его съ словами Странскаго, думаемъ, что нельзя къ свидѣтельству

---

*) Spisy české, I, 24.

**) Замѣчательно и то, что церковь въ смыслѣ религіознаго общества у Поляковъ называется kosciol, у Чеховъ (по крайней мѣрѣ въ старинномъ употребленіи, между прочими у Гуса и гуситскихъ писателей) cierkev: стало быть у Поляковъ идея Церкви соединялась съ словомъ, пришедшимъ съ запада, у Чеховъ — съ востока.

стариннаго чешскаго писателя относиться такъ легко, какъ это дѣлаютъ г. Палацкій и современные чешскіе изслѣдователи.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что въ Чехіи таилась какая-то церковная оппозиція и оппозиція эта имѣла конечно своихъ приверженцевъ и въ туземномъ клирѣ; мы считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ, что тѣ преемственные хранители греческаго ученія, Простивой, Мравикъ, Лубенскій, о которыхъ говоритъ Странскій, были именно представители этой народной оппозиціи въ церкви. Мы устраняемъ мысль о существованіи въ тогдашней Чехіи православной партіи, какъ организованнаго религіознаго общества съ особою іерархіею, и думаемъ, что Странскій далъ слишкомъ категорическую форму преданію о связи гуситства съ православными начатками христіанства въ Чехіи и что г. Новиковъ, слѣдуя въ этомъ Странскому, идетъ слишкомъ далеко. Если бы въ Чехіи XII — XIV вѣковъ была дѣйствительно организованная православная партія, то она едва ли осталась бы безслѣдною. Дѣло церковное представляется намъ въ такомъ же видѣ, какой оно имѣло въ сферѣ общественной. Никто, и менѣе всѣхъ г. Палацкій, сомнѣвается въ томъ, что въ Чехіи XII — XIV в. была сильная славянская оппозиція противъ германизма, все болѣе и болѣе овладѣвавшаго общественною жизнью и правительствомъ Чехіи. Но то не была еще политическая партія, которая дѣйствовала бы по опредѣленной программѣ. По актамъ и документамъ того времени мы не подозрѣвали бы существованія такой оппозиціи; но до насъ дошелъ памятникъ неофиціальный, Далимилова хроника, и славянская оппозиція является передъ нами живьемъ; хроника эта отражаетъ въ себѣ еще затаенную, но тѣмъ болѣе упругую общественную силу и возстановляетъ въ глазахъ нашихъ прерванную видимымъ торжествомъ германизма въ XIII и XIV вѣкѣ связь между славянскимъ прошлымъ Чехіи и возрожденіемъ въ ней славянскаго духа при Жижкѣ и Подѣбрадѣ. Церковная жизнь не оставила намъ, къ сожалѣнію, подобнаго неофиціальнаго памятника; но, даже оставляя въ сторонѣ позднее свидѣтельство Странскаго, мы не можемъ сомнѣваться, что рядомъ съ общественною оппозиціею германизму жила церковная оппозиція латинству, связывающая преданіе Меѳодія съ антиримскимъ движеніемъ XIV вѣка, оппозиція долго незамѣтная, такъ какъ она не была организованною партіею, но тѣмъ не менѣе столь жизненная, что она породила религіозный переворотъ гуситства, какъ общественная оппозиція, которую мы схватываемъ въ Далимилѣ, произвела политическій переворотъ, совершенный современникомъ

Гуса — Жижкою. Это два явленія параллельныя и необходимо дополняющія другъ друга. Какъ политическая дѣятельность Жижки немыслима безъ религіозной проповѣди Гуса, также немыслима гражданская оппозиція, выражающаяся въ Далимилѣ, безъ соотвѣтствующей оппозиціи, церковной. Связывая непосредственныхъ предшественниковъ Гуса (разумѣется безъ формальной іерархической преемственности) съ преданіемъ славянской православной церкви, явнымъ до 1097 г., мы не утверждаемъ только, какъ говоритъ г. Палацкій, то что по догадкѣ могло быть; мы утверждаемъ фактъ, который *не могъ не быть*, если только историческія явленія развиваются послѣдовательно и не суть сцѣпленіе безсвязныхъ случайностей.

Мысль наша подтверждается еще болѣе, когда мы перейдемъ отъ эпохи Далимила къ слѣдующему поколѣнію, къ царствованію Карла IV. Мы встрѣчаемся тутъ съ фактомъ необычайнымъ и требующимъ, какъ кажется, внимательнаго разъясненія. Въ 1347 г. Карлъ, король Чешскій и вмѣстѣ Римскій императоръ, основываетъ въ Прагѣ, съ разрѣшенія папы, славянскій монастырь и для отправленія въ немъ римско-католическаго богослуженія на славянскомъ языкѣ, приглашаетъ туда монаховъ изъ Далмаціи, Хорватіи и Босніи. Этотъ фактъ мы называемъ необычайнымъ не потому только, что онъ противорѣчилъ всей практикѣ Римской церкви, допускавшей иногда богослуженіе на народномъ языкѣ тамъ, гдѣ нельзя было ввести языка латинскаго, но никогда не разрѣшавшей перехода отъ латинскаго языка къ народному; мало того, самая личность Карла была такова, что отъ него всего менѣе можно было ожидать такой мѣры. То былъ Французъ по рожденію, воспитанію и наклонностямъ, Нѣмецъ по той средѣ, въ которой онъ вращался. Онъ былъ умный политикъ и въ государственномъ отношеніи необыкновенно возвеличилъ Чехію; но никогда славянская стихія не была тамъ въ такомъ загонѣ, какъ при немъ. Достаточно сказать, что Карлъ IV сталъ издавать для Чехіи офиціальные акты на нѣмецкомъ языкѣ и во все свое царствованіе не подписалъ ни одной грамоты, писанной по-чешски *). Г. Палацкій объясняетъ учрежденіе Карломъ славянскаго монастыря въ Прагѣ мыслію политическою: онъ хотѣлъ-де этимъ содѣйствовать подготовленію уніи Восточной церкви съ Западною; при этомъ г. Палацкій ссылается на то, что Карлъ уговаривалъ сербскаго царя Стефана Душана

*) Pelzel, Gesch. der deutschen und ihrer Sprache in Böhmen.

къ соединенію съ римскою церковью и, между прочимъ, писалъ, что его съ нимъ связываетъ „принадлежность къ одной и той же благородной рѣчи славянской, такъ какъ они-де оба, по милости Божіей, рождены на величественномъ лонѣ этого благороднаго языка." Но въ устахъ такого человѣка, какъ Карлъ IV, эти послѣднія слова были только дипломатической фразой. Ежели онъ помышлялъ о привлеченіи Сербіи къ уніи, то для этого не нужно было отзывать изъ пограничныхъ съ Сербскимъ царствомъ областей, изъ Босніи, Хорватіи, Далмаціи, людей, которые были наиболѣе пригодны къ такой пропагандѣ, и селить ихъ въ Прагѣ; скорѣе нужно было послать въ Далмацію и Боснію чешскихъ проповѣдниковъ-католиковъ. Будь Чехія при Карлѣ IV такъ безусловно предана латинству, какъ думаетъ г. Палацкій, то умный правитель и ревностный католикъ, каковъ былъ Карлъ IV, не сталъ бы нарочно вносить въ нее церковнаго разъединенія. Несомнѣнно, что основаніе славянскаго монастыря въ Прагѣ, какъ догадывался уже г. Новиковъ, было дѣломъ *внутренней*, а не внѣшней политики Карла. Это утверждается положительнымъ документомъ, въ которомъ г. Палацкій могъ бы найти прямыя указанія на причину учрежденія этого монастыря, не прибѣгая къ гипотезѣ о какой-то замышляемой пропагандѣ между Сербами. Въ буллѣ отъ 9-го мая 1346 года, папа Климентъ VI писалъ Пражскому епископу слѣдующее: „Намъ сообщилъ возлюбленный сынъ нашъ Карлъ, маркграфъ моравскій (въ то время Карлъ IV, отецъ котораго былъ еще въ живыхъ, управлялъ Чешскимъ королевствомъ подъ этимъ титуломъ), что въ Славоніи и нѣкоторыхъ странахъ славянскаго языка обѣдня и другія службы во славу Христа совершаются и поются, съ разрѣшенія апостольскаго престола, на ихъ народномъ языкѣ и что многіе монастыри и обители черныхъ монаховъ ордена св. Бенедикта и другихъ орденовъ въ тѣхъ странахъ, сохраняющіе издревле и доднесь этотъ обрядъ, вслѣдствіе тамошнихъ междоусобій и войнъ разорены и приведены въ ничтожество. Посему монахи и братья тѣхъ монастырей не могутъ служить ни Богу, ни христіанамъ и, не будучи въ состояніи существовать въ своихъ монастыряхъ и обителяхъ, пребываютъ въ скитальчествѣ, отчего богослуженіе и христіанская вѣра *) въ тѣхъ странахъ убываютъ. *А такъ какъ*, — присовокупляется въ означенномъ сообщеніи, **)—

*) Т. е. римско-католическая.

**) Это слова папской буллы; они относятся къ сообщенію Карла, о которомъ была рѣчь выше.

въ предѣлахъ и въ краяхъ королевства Богеміи, принадлежащихъ къ тому же языку и племени, *существуютъ многіе схизматики и невѣрные*, *которые*, *когда имъ священное писаніе предлагается*, *объясняется или проповѣдуется на латинскомъ языкѣ*, *не хотятъ его понимать и не могутъ быть обращены удобно въ христіанскую* *) *вѣру*, то сказанные монахи и братья вышеозначеннаго обряда, проповѣдующіе на народномъ языкѣ, признавались бы весьма нужными и полезными для славы Божіей и умноженія христіанской вѣры въ сказанномъ королевствѣ и смежныхъ его областяхъ **). И такъ тотъ помянутый Карлъ маркграфъ покорно просилъ насъ, чтобы мы благоволили, въ видѣ особой милости, разрѣшить тѣмъ братьямъ и монахамъ избирать себѣ въ королевствѣ Богеміи и смежныхъ его областяхъ мѣста, въ коихъ и около коихъ они могли бы пребывать, изъяснять слово Божіе, проповѣдывать и совершать богослуженіе по обряду и обычаю тѣхъ странъ. — И такъ мы, не имѣя о вышесказанномъ свѣдѣній, разрѣшаемъ тебѣ (пражскому архіепископу), къ которому имѣемъ полное о Господѣ довѣріе, предоставить, отъ имени нашей власти, тѣмъ монахамъ или братьямъ сказаннаго ордена св. Бенедикта или другаго, одобреннаго апостольскимъ престоломъ, въ сказанномъ королевствѣ или смежныхъ его областяхъ *одно только* мѣсто, въ которомъ они имѣли бы право сохранять означенный обрядъ, впрочемъ лишь одобренный симъ престоломъ, не нарушая однако правъ мѣстной приходской церкви и всѣхъ другихъ правъ“ ***).

---

*) Т. е. римско-католическую.

**) In dicto regno et ipsius confinibus. Подъ именемъ «confinia» слѣдуетъ разумѣть области, присоединенныя къ Чешской коронѣ, въ особенности маркграфство Моравское.

***) Clemens Episcopus seruus seruorum Dei. Venerabili Fratri, Archiepiscopo Pragensi salutem et apostolicam benedictionem. Significauit nobis dilectus filius nobilis vir Karolus Marchio Morauie, quod in Slauonie et non nullis partibus de Slauonica lingua existentibus misse et alie hore canonice ad laudem Christi in eorum vulgari de licentia et ex indulto sedis apostolice leguntur, et etiam decantantur, et quod multa monasteria et loca Monachorum nigrorum sancti Benedicti et aliorum ordinum in illis partibus huiusmodi ritum ex antiqua consuetudine vsque in hodiernum diem tenentium propter brigas et guerras illarum partium destructa et ad nihilum sunt redacta. Monachi quoque et fratres Monasteriorum et locorum predictorum occasione huiusmodi nec Deo, nec Christianis proficere nec etiam Monasteria et loca ipsorum commode obtinere valentes remanent vagabundi, propter quod cultus diuinus et fides christiana in illis partibus minuitur. Cum autem, sicut huiusmodi insinuatio subiungebat, in confinibus et circa partes Regni Boemie que de eadem lingua et vulgari existunt, sunt multi scismatici et infideles, qui cum eis sacra scriptura latine dicitur, exponitur, vel praedicatur, nec intelligere volunt, nec commode ad fidem christia-

Это свидѣтельство самого Карла IV, прописанное папою въ буллѣ 1346 года, должно, кажется, рѣшить окончательно вопросъ о существованіи въ Чехіи церковной оппозиціи, которая связываетъ православное славянское начало чешской церкви съ явленіями XV вѣка. Не смотря на отрицаніе г. Палацкаго, связь эта установляется документально: Карлъ IV писалъ папѣ, что въ чешскомъ королевствѣ существуютъ многіе схизматики и невѣрные (schismatici et infideles: буквально тоже самое выраженіе, какое впослѣдствіи употреблялъ инквизиторъ передъ Констанцкимъ соборомъ для означенія православныхъ русскихъ), — схизматики и невѣрные, которые *не хотятъ* понимать (nec intelligere volunt) священнаго писанія на латинскомъ языкѣ. Карлъ IV, какъ видно изъ приведенной буллы, предлагалъ мѣру весьма широкую: онъ желалъ, чтобы монахамъ славянскаго обряда разрѣшено было пребывать, проповѣдывать и совершать богослуженіе въ чешскомъ королевствѣ *повсемѣстно*; это вело прямо къ признанію славянской церкви въ Чехіи. Римскій дворъ свелъ дѣло, какъ говорится, на нѣтъ: онъ дозволилъ славянскимъ монахамъ *сохранять* свой обрядъ *въ одномъ только мѣстѣ*; о проповѣди, объ отправленіи славянскаго богослуженія внѣ стѣнъ ихъ монастыря въ папскомъ разрѣшеніи нѣтъ и помину.

Римскій дворъ, повинуясь логикѣ своего принципа, сдѣлалъ тутъ одну изъ тѣхъ ошибокъ, которыя ему стоили отпаденія столь многихъ людей и народовъ отъ латинской церкви. Мѣра, которой Карлъ IV испрашивалъ отъ папскаго престола, была необходима въ связи съ другими цѣлями его церковной политики. Дотолѣ ла-

---

nam possunt conuerti, dictique Monachi, et fratres vulgares predicatores ritum predictum habentes in dicto regno et ipsius confinibus summe necessarii et vtiles pro Dei laude et augmentatione christiane fidei esse noscantur. Idem Marchio nobis humiliter supplicauit, ut eisdem fratribus et Religiosis, quod in regno Boemie et confinibus supradictis loca eligere, in quibus et circa que possint stare, et verbum Dei exponere, predicare et missas celebrare, secundum ritum et consuetudinem partium ipsarum, licentiam concedere de speciali gratia dignaremur. Nos igitur de predictis notitiam non habentes, fraternitati tue, de qua plenam in Domino fiduciam gerimus, eisdem Monachis seu fratribus dicti sancti Benedicti vel alterius ordinis per sedem eandem approbati, recipiendi unum locum duntaxat in dicto regno vel eius confinibus, in quo seruare valeant dictum ritum, alias tamen per sedem approbatum, eandem auctoritate nostra concedas plenam et liberam facultatem, iure tamen Parochialis Ecclesie ipsius loci, quem vt premittitur, dicti Monachi seu fratres receperunt, et cuiuslibet alterius alieni in omnibus semper saluo. Datum Auinione VII idus Maii, Pontificatus nostri anno quarto. (Ex Registro Slauorum). Pelzel, Urkundenbuch zum ersten Theil des Kaisers Karls des Vierten, стр. 90.

тинская церковь, хотя фактически утвердилась въ Чехіи, но ея господство не было окончательно формулировано. Еще при отцѣ Карла епископъ Пражскій, Іоаннъ изъ Дражицъ (1301 — 1343) могъ оказывать явное покровительство приверженцамъ осужденной Римомъ ереси Вальдензовъ, онъ могъ своею властію отставить римскихъ инквизиторовъ, осудившихъ было этихъ еретиковъ на костеръ, и, что всего знаменательнѣе, такой образъ дѣйствія не былъ признанъ предосудительнымъ въ Чехіи, не смотря на то, что король стоялъ на сторонѣ инквизиціи, а папа призвалъ чешскаго епископа къ себѣ на судъ въ Авиньонъ и долго продержалъ его тамъ. Выпущенный на волю, этотъ врагъ нѣмецкаго духовенства и покровитель еретиковъ спокойно возвратился въ Прагу и 15 лѣтъ продолжалъ управлять чешскою церковью.

Причащеніе подъ однимъ видомъ, самое осязательное для народа отступленіе Рима отъ первобытнаго ученія церкви, фактически не вводилось въ Чехіи до Карла IV. Это положительно утверждаетъ писатель столь добросовѣстный, какъ Коменскій, и мы не имѣемъ никакого указанія, которое могло бы ослабить силу его свидѣтельства. При Карлѣ обстоятельства перемѣнились.

Прежняя неопредѣлительность, при которой терпѣлось многое, несогласное съ строгимъ латинствомъ, должна была уступить мѣсто окончательной формулѣ. Это было неминуемымъ послѣдствіемъ учрежденія въ Прагѣ университета, который, будучи въ то время преимущественно школою богословскою, не могъ оставить церковные вопросы въ такомъ неопредѣленномъ видѣ. Ученая школа прилагала тотчасъ ко всему формулу, установленную римскою схоластикою, и осуждала то, что подъ эту формулу не подходило. Вспомнимъ, что Іеронимъ считалъ Карла IV и основанный имъ университетъ въ Прагѣ виновниками совершеннаго торжества «нѣмецкой» (т. е. католической) партіи въ чешской церкви. Тоже самое утверждаетъ Коменскій. «Около 1350 г., говоритъ онъ, въ царствованіе Карла IV, впервые услышали и увидѣли въ Чехіи нечестивый обрядъ пріобщенія подъ однимъ видомъ. Преимущественно настаивали на этомъ итальянскіе, французскіе и нѣмецкіе богословы и магистры, которыхъ Карлъ пригласилъ профессорами въ новоучрежденный университетъ въ Прагѣ, и студенты-иностранцы, которые стеклись туда большими толпами и привлекали многихъ къ этому обряду своимъ примѣромъ».

Самъ государь рѣшился дать этому дѣлу окончательное освященіе законодательства, и въ своемъ уложеніи (Majestas Carolina)

1348 г. объявилъ римско-католическое исповѣданіе государственною религіею Чехіи, установляя огненную казнь для тѣхъ, кто ея не признаетъ. Но эти кары относились до послѣдователей ересей, отвергавшихъ римское ученіе. Что же было дѣлать съ тѣми многочисленными людьми, которые, вполнѣ подчиняясь римской церкви, дорожили однако молитвами на славянскомъ языкѣ, причастіемъ изъ чаши и т. под. и не хотѣли слушать священнаго писанія по-латыни? Жечь ихъ было невозможно, дать имъ организовать отдѣльную отъ господствующей національную церковь было бы политическою ошибкою, которой человѣкъ, какъ Карлъ IV, не могъ допустить. И вотъ онъ проситъ у папы разрѣшенія, чтобы въ Чехіи богослуженіе отправлялось для желающихъ по обряду, нѣкогда одобренному Римомъ для южныхъ славянъ. Принципъ единства римской церкви былъ бы спасенъ и національная оппозиція въ чешской церкви удовлетворена.

Разумѣется, что допущенная Римомъ полумѣра удовлетворить ея не могла. Мы знаемъ изъ буллы 1346 года, что эта оппозиція была многочисленна. Что значилъ для нея одинъ монастырь въ столицѣ, гдѣ дозволено было слушать славянскую обѣдню? Между тѣмъ Карлъ IV повидимому успокоился этою уступкою, которую онъ выторговалъ у папскаго престола, и въ слѣдующемъ же году послѣ учрежденія славянскаго монастыря въ Прагѣ издалъ упомянутое нами уложеніе, въ которомъ римская церковь объявлена господствующею и всѣмъ ея ослушникамъ возвѣщена смертная казнь. Спавшій дотолѣ въ Чехіи религіозный вопросъ возбужденъ и поставленъ со всею рѣзкостью, и скоро онъ далъ знать себя. Близкій другъ императора Карла, его секретарь, любимецъ двора, каноникъ Миличъ вдругъ покидаетъ свои должности и богатства и начинаетъ проповѣдывать покаяніе, возвѣщая, что въ 1346 году (годъ вступленія Карла IV на чешскій престолъ) народился антихристъ, что антихристъ воплотился въ лицѣ чешскаго государя, что папа и его прелаты суть члены тѣла антихристова. Вотъ какой протестъ раздался въ Чехіи противъ мудрѣйшаго и любимѣйшаго изъ ея государей, слишкомъ смѣло коснувшагося ея религіозной жизни. Миличъ умеръ въ тюрьмѣ, но церковная оппозиція все болѣе крѣпла и росла. Въ исходѣ XIV вѣка, подлѣ офиціальной латинской церкви, мы находимъ религіозныя общества, которыя, еще не отдѣляясь отъ нея явно, собирались «въ домахъ и потаенныхъ мѣстахъ», чтобы слушать проповѣди на народномъ чешскомъ языкѣ. Въ 1391 году, чешскій рыцарь Іоаннъ изъ Мюльгейма, «усматривая, что

всѣ многочисленные въ Прагѣ храмы такъ заняты установленнымъ священнодѣйствіемъ, что въ нихъ нѣтъ мѣста для проповѣди слова Божія *) и что проповѣдывающіе на народномъ чешскомъ языкѣ должны скитаться по домамъ и потаеннымъ мѣстамъ», устроилъ для этихъ проповѣдей особую часовню и обезпечилъ ее на свой счетъ. То была знаменитая въ чешской исторіи Виѳлеемская часовня.

Въ 1401 г. Мюльгеймъ, по праву патрона часовни, избралъ на должность проповѣдника при ней магистра Іоанна Гуса, и съ этого времени начинается общественная дѣятельность Гуса, дотолѣ замкнутая въ университетскомъ кругу.

О молодости Гуса мы не знаемъ почти ничего, о внутреннемъ его развитіи вовсе ничего не знаемъ, да и едва ли можемъ надѣяться найти объ этомъ какія нибудь теперь неизвѣстныя данныя. Потому навсегда останется сомнительнымъ, принадлежалъ ли Гусъ съ самаго начала, по вліяніямъ семьи или воспитанію, къ той церковной оппозиціи, въ которую перешло древнее православное преданіе въ чешской церкви, теряя свое положительное содержаніе и обращаясь въ неопредѣленное недовольство романизмомъ. Можно только сказать, что это вѣроятно, потому что университетъ, въ которомъ сосредоточивалась вся жизнь Гуса до поступленія его въ Виѳлеемскую часовню, едва ли могъ сообщить подобное направленіе его мысли. Пражскій университетъ былъ, напротивъ того, самымъ сильнымъ орудіемъ латинизаціи. При томъ трудно полагать, чтобы Мюльгеймъ, основавшій часовню для того, чтобы дать пріютъ проповѣди, скрывавшейся въ домахъ и потаенныхъ углахъ и которой не давали мѣста ни въ одномъ изъ многочисленныхъ храмовъ Праги, — призвалъ къ служенію при своей часовнѣ человѣка, не заявившаго себя въ этомъ оппозиціонномъ направленіи. Какъ бы то ни было, вступая въ служеніе при Виѳлеемской часовнѣ, Гусъ принималъ на себя преемство церковной идеи, начало которой восходитъ къ православному крещенію Чехіи Меѳодіемъ. Мы не находимъ документальнаго подтвержденія свидѣтельству Странскаго, признававшаго что-то въ родѣ іерархическаго преемства отъ Меѳодія до Гуса; мы не думаемъ, чтобы была опредѣленная передача изъ поколѣнія въ поколѣніе православныхъ преданій въ видѣ тайнаго ученія, какъ то принималъ г. Новиковъ.

*) Такъ выразился Мюльгеймъ въ прошеніи къ папѣ объ утвержденіи его распоряженій въ пользу часовни, но очевидно, что это была только фраза, дѣло же состояло въ томъ, что латинствующее духовенство не пускало чешскихъ проповѣдниковъ въ церкви.

Но мы считаемъ несомнѣннымъ существованіе внутренней связи между православнымъ крещеніемъ Чехіи и Гусомъ. Эта связь заключалась въ сохраненіи народомъ нѣкоторыхъ православныхъ обрядовъ и, главное, въ общемъ настроеніи народа. Самый характеристичный изъ православныхъ обрядовъ, сохраненныхъ въ Чехіи, есть причащеніе младенцевъ. Мы уже говорили въ другомъ сочиненіи о важномъ значеніи этого обряда, какъ историческаго признака. Тотчасъ послѣ смерти Гуса возгарается цѣлая полемика со стороны латинянъ, осуждающая гуситовъ за то, что у нихъ даютъ „младенцамъ, которые не могутъ и не умѣютъ глотать, причастіе подъ обоими видами". Между тѣмъ Гусъ нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не говоритъ объ этомъ предметѣ; это такой обрядъ, до котораго едва ли могъ додуматься какой бы то ни было реформаторъ; напротивъ, реформаторъ, кто бы онъ ни былъ, повинуясь отвлеченный логичности, скорѣе долженъ былъ сочувствовать ученію Рима, допускающаго къ евхаристіи только людей въ сознательномъ возрастѣ. Очевидно, что обрядъ причащенія младенцевъ былъ остаткомъ старины, внесеннымъ въ гуситство изъ народной жизни. Вѣроятно, поэтому-то гуситы такъ имъ и дорожили. Впослѣдствіи, когда они торговались съ Базельскимъ соборомъ объ условіяхъ возсоединенія ихъ съ римскою церковью, они легко поступались разными догматическими положеніями, но требовали сохраненія права причащать младенцевъ.

Переданное Чехіи ея апостолами православное ученіе не могло въ выходившей изъ язычества странѣ пустить корни такъ глубоко, чтобы устоять подъ наплывомъ латинства въ видѣ опредѣленнаго, положительнаго вѣроисповѣданія. Но, теряясь, оно оставило тамъ и привычку и духъ оппозиціи, которые мѣшали Чехамъ окончательно предаться латинской церкви, какъ то сдѣлали Поляки. Религіозная оппозиція, долго чисто отрицательная и потому почти незамѣтная, также какъ незамѣтными оставались въ народѣ остатки православныхъ обрядовъ, въ родѣ причащенія младенцевъ, пока богословская полемика не возбуждала объ нихъ спора, — сперва способствовала распространенію въ Чехіи секты Вальдензовъ, отвергавшихъ авторитетъ Рима; съ усиленіемъ въ XIV вѣкѣ умственнаго движенія, она опредѣлилась настолько, что вынудила Карла IV просить у папы формальнаго разрѣшенія въ Чехіи богослуженія на славянскомъ языкѣ; какъ сдѣланная папою въ этомъ отношеніи уступка не могла никого удовлетворить, то оппозиція, все возрастая, породила тайныя сходбища, въ которыхъ толковали слово Божіе на чешскомъ языкѣ;

потомъ она воплотилась въ мистическомъ, еще неясномъ ученіи Милича и Матвѣя Яновскаго, и наконецъ въ Гусѣ вылилась въ опредѣлительное вѣроученіе. Самъ Гусъ, какъ приведено выше, писалъ, что его ученіе отличается отъ исповѣданья греческой церкви не въ сущности, а въ формѣ выраженій. Безъ внѣшней разницы, и даже весьма рѣзкой, быть не могло, потому что матеріалъ, изъ котораго Гусъ строилъ свое религіозное зданіе, былъ ему данъ весь современною богословскою школою Рима; но стоило только объясниться послѣдователю Гуса съ представителями православной церкви, какъ то было сдѣлано въ 1452 г., и за этою разницею выраженій тотчасъ открылось полное тождество ученія. Сколько же въ этомъ „православіи" Гуса участвовала его личность и сколько филіація идей, которыя его охватили, если не въ семьѣ или школѣ, то при вступленіи на каѳедру проповѣдника въ Виѳлеемской часовнѣ? кто въ состояніи будетъ это взвѣсить? Мы съ своей стороны скажемъ только, что тутъ участвовали обѣ стихіи, и личная, и преемственная.

Хомяковъ показалъ, что православная церковь сохранила коренное основаніе христіанства, законъ любви, связующій общество христіанъ въ живой духовный организмъ, тогда какъ въ западныхъ исповѣданіяхъ эта внутренняя нравственная связь замѣнена внѣшнимъ авторитетомъ, человѣка, какъ у латинянъ, книги, какъ у протестантовъ. Если справедливо представленіе, нами вынесенное изъ чтенія сочиненій Гуса и свидѣтельствъ о немъ, то мы должны признать въ его личномъ характерѣ внутреннее сродство съ духомъ православной церкви, ибо мы не знаемъ историческаго дѣятеля, болѣе глубоко проникнутаго духомъ христіанской любви. Но если бы чешскій народъ не принадлежалъ вначалѣ къ православной церкви или если бы этотъ фактъ не оставилъ въ немъ никакого слѣда, какъ въ Польшѣ, то хотя бы появленіе такой сродной православію личности какъ Гусъ было возможно; однако едва ли и подобная личность, безъ исторической основы, восходившей къ православной церкви, могла бы создать ученіе, которое православная церковь торжественно признала за свое.

Представляя наши сужденія о Гусѣ въ его отношеніяхъ къ православной церкви, мы не могли придержаться хронологическаго порядка, котораго требуетъ историческое изложеніе. Повторимъ наши выводы въ этомъ хронологическомъ порядкѣ.

Православная славянская церковь, существовавшая въ Чехіи преемственно до 1097 г., послѣ разгрома, постигшаго въ томъ году послѣдній ея пріютъ, оставила въ Чехіи, особенно въ простомъ народѣ, кромѣ нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ, духъ религіозной оппозиціи латинству, неразлучно связанной съ народною славянскою оппозиціею германизму въ жизни общественной и политической.

Эта религіозная оппозиція вынудила Карла IV просить у папы дозволенія водворить въ Чехіи славянское богослуженіе, какъ оно съ разрѣшенія Рима продолжалось въ Хорватіи, дабы такою уступкою окончательно упрочить дѣло католицизма въ Чехіи, и стала въ XIV вѣкѣ проявляться тайными сходбищами, а потомъ положительною антиримскою проповѣдью.

Гусъ связанъ съ исходившею изъ древняго православнаго источника религіозною оппозиціею въ Чехіи, если не вліяніями его первоначальнаго развитія, обстоятельства котораго намъ неизвѣстны, то во всякомъ случаѣ избраніемъ на каѳедру проповѣдника при Виѳлеемской часовнѣ, бывшей сборнымъ пунктомъ для тѣхъ, которые прежде посѣщали тайныя религіозныя сходбища.

Отличительная черта личности Гуса была безусловная правдивость въ исполненіи христіанскаго закона, чуждая какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній. Онъ отстаивалъ права христіанской нравственности, а не какіе либо новые догматы.

Приложивъ къ римско-католической церкви мѣрило христіанской нравственности, Гусъ открылъ реформаціонное движеніе, но не былъ реформаторомъ въ томъ смыслѣ, какъ основатели протестантскихъ и другихъ сектъ. Онъ не думалъ объ учрежденіи новой церкви, а вѣря въ преемственное существованіе единой истинной вселенской церкви, требовалъ лишь очищенія католической церкви отъ злоупотребленій и ложныхъ ученій, главное отъ папизма, который онъ осуждалъ не вслѣдствіе догматическихъ выводовъ, а какъ учрежденіе безнравственное. Личное направленіе Гуса дѣлало его взгляды въ основаніяхъ сродными съ ученіемъ православной церкви.

Гусъ находился внѣ вліянія современной ему православной церкви, но относился къ ней съ особеннымъ сочувствіемъ, старался ознакомиться съ ея ученіемъ и по всей вѣроятности не чуждъ былъ рѣшенію его ближайшаго сотрудника Іеронима предпринять путешествіе въ Литву и Русь.

Путешествіе это такъ близко предшествовало заточенію и смерти обоихъ, что оно не имѣло практическихъ результатовъ; но него-

дующее письмо Гуса къ вѣнскому профессору Сибарту доказываетъ, что образъ дѣйствія Іеронима, который въ Литвѣ и на Руси призналъ себя исповѣдникомъ православной вѣры, былъ Гусу сочувственъ.

Послѣ великой побѣды у Домажлицъ, 14 Августа 1431 г., увѣнчавшей торжество Чеховъ-гуситовъ надъ крестовыми войсками, высылавшимися на нихъ католическою Европою, они по предложенію засѣдавшаго въ Базелѣ собора представителей католической церкви вступили съ нимъ въ переговоры. Замѣчательно, что въ числѣ условій, на которыхъ гуситы согласились прислать своихъ уполномоченныхъ на соборъ, заключалось требованіе, чтобы „Восточная церковь была приглашена къ участію въ соборѣ въ видахъ возсоединенія съ нею“ *). Здѣсь не мѣсто излагать исторію этихъ многолѣтнихъ переговоровъ, начатыхъ съ соборомъ и продолжавшихся потомъ съ римскимъ престоломъ. Настойчивость, съ какою гуситы добивались соглашенія съ Римомъ, объясняется ихъ желаніемъ установить у себя іерархію, основанную на каноническомъ преемствѣ, и необходимостью для умѣренной партіи, остававшейся вѣрною ученію Гуса, искать точки опоры противъ крайнихъ раціоналистическихъ и отчасти коммунистическихъ сектъ, которыя возникали въ потрясенномъ борьбою чешскомъ обществѣ. Но пока большинство обращало взоры свои къ Риму, съ обычнымъ упорствомъ требовавшему отъ Чеховъ безусловнаго подчиненія и не соглашавшемуся ни на какія уступки, „нѣкоторые Гуситы (такъ повѣствуетъ г. Палацкій, слова котораго мы здѣсь выписываемъ) — и число ихъ, кажется, было значительное, — стали наконецъ приходить къ мысли не искать болѣе милости у папы, а обратиться въ Константинополь и призвать себѣ оттуда епископовъ, которыхъ они не могли никакими настояніями и ходатайствами допроситься отъ Рима. Нельзя опредѣлить достовѣрно, продолжаетъ г. Палацкій, когда и кто впервые внушилъ Чехамъ эту смѣлую мысль, послѣдствія которой, если бы она удалась, были бы неисчислимы. Мы ви-

*) Monum. Conc. Gener. Cons. Basil. I 253 (10 Окт. 1432): quinto petebant, quod concilium vellet diligentem operam adhibere, quatinus ecclesia orientalis pro ipsius reductione ad presens sacrum Basiliense concilium vocaretur et benigne invitaretur.

дѣли, что сношенія, хотя немногочисленныя, но всегда дружелюбныя, между Чехами и православными Славянами на востокѣ начались, такъ сказать, у самой колыбели гуситства; но пока гуситы имѣли еще надежду и притязаніе обновить своими усиліями всю западную церковь, они тѣмъ менѣе могли помышлять о соединеніи съ Востокомъ, чѣмъ явственнѣе было нерасположеніе, которое они встрѣчали со стороны православныхъ, — если не Славянъ, то Грековъ. Цареградская іерархія нѣкоторое время почитала Чеховъ за нововводителей, революціонеровъ и безбожниковъ, такъ что когда Базельскій соборъ въ 1435 году, говоря о соединеніи церкви Христовой, случайно сопоставилъ имя Чеховъ съ Греками, то послѣдніе на это жаловались, какъ на грубое оскорбленіе. По заключеніи однако во Флоренціи, 6 Іюня 1439 г., уніи, имѣвшей столь дурныя послѣдствія для Восточной церкви, недовольные ею Греки, видя себя тѣснимыми съ одной стороны Турками, съ другой Латинянами, понемногу измѣнили свой образъ мыслей и начали уже не только хвалить Чеховъ, но и дружиться съ ними". Здѣсь считаемъ долгомъ прервать выписку изъ чешскаго исторіографа, чтобы сдѣлать необходимую оговорку. Не знаемъ, насколько заключеніе флорентійской уніи имѣло вліяніе на измѣненіе взгляда греческой церкви относительно гуситовъ, и затрудняемся понять логическую связь между тѣмъ и другимъ обстоятельствомъ: но во всякомъ случаѣ г. Палацкій упустилъ изъ виду самую существенную причину этого измѣненія во взглядѣ греческой церкви. Дѣло въ томъ, что въ первые годы Базельскаго собора между Чехами преобладала, если не числомъ, то вліяніемъ и извѣстностью, выдвинутая революціонною бурею гуситскихъ войнъ партія такъ назыв. „Таборитовъ", и „Сиротъ", доходившая до ультра-протестантскаго радикализма въ религіи и коммунизма въ общественныхъ теоріяхъ. Знаменитѣйшимъ лицомъ первой чешской депутаціи въ Базелѣ былъ глава „Сиротъ" священникъ Прокопъ Великій, герой столькихъ побѣдъ, удивлявшій Базель своимъ богуслуженіемъ, при которомъ, по словамъ г. Палацкаго, „не было ни алтаря, ни священнаго облаченія, ни какого бы то ни было обряда, но все ограничивалось краткими молитвами, проповѣдью и причащеніемъ подъ обоими видами". Понятно, что въ то время встрѣчавшіеся съ Чехами въ Базелѣ представители греческой церкви не могли видѣть въ нихъ ничто иное, какъ „нововводителей", „революціонеровъ" и даже (съ ихъ точки зрѣнія) „безбожниковъ". Но послѣ внутренняго междоусобія, кончившагося пораженіемъ Таборитовъ и гибелью Прокопа Великаго

(1434), положеніе дѣлъ въ Чехіи, какъ мы видимъ изъ повѣствованія самого г. Палацкаго, совершенно перемѣнилось и въ слѣдующемъ десятилѣтіи эти ультра-протестантскія партіи въ чешской церкви сдѣлались почти незамѣтными, а господство перешло къ прямымъ послѣдователямъ Гуса, такъ назыв. Чашникамъ, во главѣ которыхъ стояли Рокицана и Петръ изъ Младеновицъ. Съ такою перемѣною въ церковныхъ дѣлахъ Чехіи и взглядъ на нихъ долженъ былъ самъ собою перемѣниться въ Константинополѣ, и этимъ-то объясняется, почему Греки, смотрѣвшіе въ 1435 г. на Чеховъ, какъ на безбожниковъ, въ 1452 г. могли заговорить о единеніи съ ними. Сама грамота, какъ мы увидимъ, прямо указываетъ на эту перемѣну. Продолжаемъ теперь выписку изъ книги г. Палацкаго: „Первыя попытки сближенія, первые переговоры объ этомъ, говоритъ онъ, остались въ совершенной темнотѣ; что однако предложеніе о присоединеніи Чеховъ къ греческой церкви скоро получило извѣстность и сочувствіе, это доказывается во-первыхъ угрозою, выраженною въ Римѣ 25 Мая 1447 г. чешскими послами отъ имени всего королевства, что Чехамъ, не удостоиваемымъ вниманія и отвергаемымъ латинскою церковью, не остается ничего другаго, какъ, отрекшись отъ Рима, обратиться въ другую сторону, а затѣмъ таинственными словами, сказанными Петромъ изъ Младеновицъ, который, 17 Мая 1448 г., говорилъ папскому легату въ Прагѣ, что если Римъ не утвердитъ Рокицану архіепископомъ и не признаетъ причащенія подъ обоими видами, то онъ, легатъ, прежде чѣмъ успѣетъ вернуться въ Римъ, услышитъ про Чеховъ *удивительныя вещи*. Кажется дѣйствительно, что предложеніе вышло первоначально отъ той партіи Чашниковъ, къ которой принадлежалъ Младеновицъ, этотъ личный другъ Гуса, и которая съ 1437 г. управлялась избранными администраторами Пражской гуситской консисторіи. Эта консисторія имѣла свое мѣстопребываніе въ славянскомъ монастырѣ, который за сто лѣтъ передъ тѣмъ основанъ былъ Карломъ IV въ Новомъ городѣ Пражскомъ. Этотъ монастырь, не потерпѣвшій никакого вреда во время гуситскихъ бурь, хранилъ дотолѣ многочисленные остатки и воспоминанія восточнаго обряда, въ немъ господствовавшаго. Извѣстно, что и его драгоцѣннѣйшее сокровище, единственный остатокъ славянской литургіи въ Чехіи, евангеліе, писанное, какъ увѣряли, рукою св. Прокопа и украшенное золотомъ, драгоцѣнными камнями и мощами святыхъ, было въ это время послано, какъ дорогой подарокъ, греческому императору въ Константинополь, откуда оно въ послѣд-

ствіи перешло во Францію, гдѣ подъ именемъ „texte du sacre" причислялось къ драгоцѣннѣйшимъ регаліямъ французской короны *). Посылка этого евангелія, также какъ и посланіе, о которомъ у насъ рѣчь впереди, доказываютъ, что изъ славянскаго монастыря въ Прагѣ, а не отъ Рокицаны вышла, если не первая мысль о соединеніи гуситовъ-чашниковъ съ греческою церковью, то по крайней мѣрѣ главное содѣйствіе и поощреніе этому дѣлу; хотя несомнѣнно, что подъ конецъ дѣло это было одобрено и Рокицаною".

Для исполненія этого плана Чехи послали въ Константинополь нѣкоего Константина Ангелика или Англика, о личности котораго мы не имѣемъ впрочемъ никакихъ свѣдѣній. Появленіе чешскаго посланца произвело въ Константинополѣ большое впечатлѣніе. Читатели найдутъ далѣе, въ приложеніи, разсказъ очевидца-католика о пріемѣ, оказанномъ тамъ представителю гуситской церкви и его появленіи передъ народомъ въ православномъ храмѣ. Онъ привезъ съ собою къ Чехамъ грамоту, которую мы здѣсь издаемъ. Оригиналъ писанъ былъ двумя столбцами, по-гречески и по-латыни. Подписи сдѣланы были только на греческой сторонѣ, датировка грамоты — на латинской. Грамота датирована 18 Января 1451 года, индикта XV, но, какъ замѣчаетъ г. Палацкій, по теперешнему нашему счету она принадлежитъ не къ 1451, а 1452 году, ибо греки считали новый годъ съ 1 Марта, и индиктъ XV относится именно къ 1452 г. Оригиналъ хранился въ прежнее время въ Прагѣ въ Каролинѣ, а нынѣ, по словамъ г. Палацкаго, неизвѣстно гдѣ онъ находится. Первое изданіе сдѣлано было при императорѣ Максимиліанѣ II (1562—1576) Каспаромъ Нидрукомъ; во второй разъ грамота напечатана Фрехеромъ въ его сочиненіи „Rerum bohemicarum scriptores. Hanoviae 1602". Этимъ послѣднимъ изданіемъ мы и пользовались. На грамоту Константинопольскаго патріархата былъ написанъ, 29 Августа того же 1452 года, отвѣтъ администраторами Пражской консисторіи. Отвѣтъ этотъ, изъ котораго г. Палацкій сообщаетъ короткую выписку, къ сожалѣнію до сихъ поръ не изданъ. Дальнѣйшія сношенія гуситовъ съ Восточною церковью были прекращены паденіемъ Константинополя въ 1453 году.

Помѣщаемъ здѣсь текстъ грамоты греческой церкви, какъ онъ читается въ изданіи Фрехера вмѣстѣ съ буквальнымъ его переводомъ.

---

*) Это евангеліе извѣстно у насъ подъ именемъ Реймскаго. Оно издано въ Парижѣ въ 1843 г. Сильвестромъ и Копитаромъ на счетъ русскаго правительства.

ПОСЛАНІЕ

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

КЪ ЧЕХАМЪ.

EPISTOLA
CONSTANTINOPOLITANAE
ECCLESIAE AD BOHEMOS, SCRIPTA
ANNO MCCCCLI, BIENNIO ANTE CAPTAM VRBEM

à Turcis: *reperta Pragae in Bibliotheca Collegii Caroli* IV. *Imp. et in lucem prolata studio D. Caspari à Nydpruck, Regis Maximiliani olim Consiliarii.*

EADEM IN EIVSDEM MEMBRANAE MEDIETATE SCRIPTA LATINE, LICET MINVS

eleganter et parum dilucide, cum additamento quodam in fine, quod in Graeca non extat.

Ἡ Ἱεροαγία τῆς Κωνσταντίνου πόλεως ἐκκλησία, ἡ μήτηρ πάντων τῶν ὀρθοδόξων καὶ διδάσκαλος, πᾶσι καὶ ἑκάστοις τοῖς ἐνδόξοις ἀδελφοῖς καὶ υἱοῖς ἐν Χριστῷ ἀγαπητοῖς τῶν Πεμίων τῇ ὑψηλοτάτῃ κοινότητι τῆς πόλεως Πράγας, καὶ τοῖς γενναίοις ἀνδράσι, καὶ ἀνδρείοις ἄρχουσι, τοῖς καπιτάνοις, καὶ δουξὶ, καὶ βαρώνοις, καὶ τοῖς πνευματικοῖς ἀνδράσι, διδασκάλοις τε καὶ πᾶσι τοῖς τῶν ἐκκλησιῶν πρεποσίτοις, οὐ μὴν δ' ἀλλὰ καὶ τοῖς πολίταις καὶ ὀφφικιαλίοις, ἔτι τε πᾶσι καὶ ἑκάστοις τοῖς ὅπου δήποτε ὑπάρχουσιν ἐν τοῖς ὑπερορίοις μέρεσιν, ὀρθοδόξοις ὡς ἀκούομεν, καὶ τῆς ἀληθοῦς Ἰησοῦ Χριστοῦ πίστεως ὁμολογηταῖς, τοῖς τὴν γράφην ταύτην τῆς

Sacrosancta Constantinopolitana ecclesia, mater omnium orthodoxorum et magistra, universis et singulis inclytis fratribus ac filiis in Christo dilectis, Boemorum sublimi universitati urbis Pragensis, et ingenuis viris atque strenuis principibus, capitaneis, ducibus, baronibus, militibus praeclaris, ac viris spiritualibus fidei zelatoribus, doctoribus, magistris et cunctis ecclesiarum praepositis, necnon civibus et officialibus, denique universis et singulis, ubivis existentibus, in partibus transmontanis, cunctisque orthodoxis et Jesu Christi veritatem sincere profitentibus, hanc maternae providentiae intuentibus paginam, salutem per

ПОСЛАНІЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ
КЪ ЧЕХАМЪ,

ПИСАННОЕ ВЪ 1451 ГОДУ, ЗА ДВА ГОДА ДО ВЗЯТІЯ ЦАРЕГРАДА *Турками; найденное въ Прагѣ въ библіотекѣ коллегіи императора Карла* IV *и изданное въ свѣтъ попеченіемъ г. Каспара Нидпрука, бывшаго Совѣтника короля Максимиліана.*

ОНО ЖЕ НА ДРУГОЙ ПОЛОВИНѢ ТОГО ЖЕ

ПЕРГАМЕНА ПИСАНО ПО-ЛАТЫНИ, ХОТЯ МЕНѢЕ изящно и не совсѣмъ ясно, съ нѣкоторымъ добавленіемъ въ концѣ, которое не существуетъ въ греческомъ текстѣ.

Святая Константинопольская церковь, мать всѣхъ православныхъ и наставница, всѣмъ и каждому славнымъ братьямъ и сынамъ во Христѣ возлюбленнымъ изъ Чеховъ: высокой общинѣ*) города Праги и благороднымъ мужамъ и храбрымъ начальникамъ, воеводамъ, князьямъ и баронамъ; и духовнымъ мужамъ, учителямъ (т. е. докторамъ) и всѣмъ церковнымъ предстоятелямъ, а также гражданамъ и должностнымъ лицамъ, равно всѣмъ и каждому гдѣ бы то ни было находящимся въ загорныхъ краяхъ, православнымъ, какъ мы слышимъ, и истинной вѣры Іисуса Христа исповѣдникамъ, которые увидятъ это писаніе материнской заботливости, — спасеніе въ Сынѣ

*) Или университету: такъ передано въ современномъ латинскомъ переводѣ.

μητρικῆς πρόνοιας θεωρήσουσιν, σωτηρίαν ἐν τῷ τῆς ἐνδόξου Παρθένου υἱῷ, καὶ ἑκατονταπλασίῳ τοῦ πνευματικοῦ καρποῦ τῆς ἡμῶν συμβουλῆς αὔξησιν.

Ἡ ἱερὰ καὶ ἁγία νύμφη τοῦ οὐρανίου νυμφίου, ὅς ἐστι κεφαλὴ τῆς ἐκκλησίας ἁπάσης, μείζω ἡδονὴν οὐ δύναται ἔχειν, ἢ τοὺς αὐτῆς υἱοὺς ἀκούειν ἐν τῇ ἀληθείᾳ περιπατοῦντας. Ἐπεὶ τοίνυν οὐκ ἄνευ μεγίστης ἡδονῆς, καὶ ὡσανεὶ ἀῤῥαβῶνος τῆς ἐσομένης καρποφορίας, ἡ αὔξησις καὶ ὁ πληθυσμὸς τῶν καλῶς πασχόντων ἐν τῇ ὁμολογίᾳ τῆς ἀληθοῦς πίστεως εἰς τὰ ὦτα τῆς εὐσπλάγχνου ταύτης μητρὸς ἐνήχησεν, καὶ μάλιστα παρὰ τοῦ ὑμετέρου ἀδελφοῦ τοῦ υἱοῦ τῆς ἡμῶν ἐκκλησίας, Κωνσταντίνου Ἀγγλίκου, τοῦ διακομιστοῦ τῶν παρόντων διδασκάλου, καὶ αἰδεσίμου ἱερέως, ἐπληροφορήθημεν ἐναργέστερον, ὅπως οὐ προσέχετε τοῖς νεωτερισμοῖς, τοῖς ἐν τῇ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίᾳ γεγενημένοις ὑπὸ τινῶν, ἀλλ' ἐν τῷ θεμελίῳ τῆς πίστεως ἐρηρεισμένοι ἐστὲ τῆς παραδοθείσης ἡμῖν ἐκ τοῦ ἡμετέρου Δεσπότου καὶ τῶν αὐτοῦ μαθητῶν, ἔκρινεν αὕτη ἡ ἱεροαγία ἐκκλησία γράψαι τε πρὸς ὑμᾶς, καὶ πρὸς τὴν μετ' αὐτῆς ἕνωσιν*) τὴν ἐν Φλωρεντίᾳ δεδεκασμένην, ἥτις διαίρεσις ἀπὸ τῆς ἀληθείας εὐλόγως ἂν ὀνομάζοιτο, καὶ διὰ τοῦτο ἐκείνην οὐ προσεδεξάμεθα, ἀλλὰ μᾶλλον παν-

filium virginis gloriosae et centuplum spiritualis fructus incrementum.

Sacrosancta sponsa coelestis sponsi, qui caput ecclesiae universalis est, maiorem quippe nequit habere voluptatem, quam suos audire filios in veritate ambulantes. Cum igitur non absque voluptate, ac pene arrha futurae fructualitatis, ubertas ac incrementum bene patientium pro veritate verae fidei ad aures piae ac benignae huius matris insonuit, a nostro (*sic*) vel maxime fratre, filio nostrae ecclesiae, Constantino Angelico, praesentium latore, doctore ac venerabili sacerdote planius certiores facti sumus, ut nullis attenditis innovationibus, adversus ecclesiam Christi per nonnullos factis, sed in fundamento fidei annixi estis, quae nobis tradita est a nostro Domino suisque discipulis; decrevit illico haec sacrosancta Ecclesia ad vos scribere et ad unionem pariter secum adhortari: haud secundum illam Florentiae unionem simulatam, a recto veroque consilio abalienatam, quae diremptio a veritate appellanda esset (quamobrem illam minime admissimus, imo prorsus annihilavimus), at secundum inobliteratum et immutabile decretum, in quo

---

*) Здѣсь пропущено слово. οὐ, какъ видно по смыслу и изъ латинскаго перевода.

преславной Дѣвы и сторичное пріумноженіе духовнаго плода нашего совѣта!

Святая невѣста небеснаго жениха, который есть глава всей церкви, не можетъ имѣть большей радости, да слышитъ чадъ своихъ во истинѣ ходящихъ. И такъ когда не безъ величайшей радости и какъ бы въ залогъ будущаго плодоношенія, возрастаніе числа добрыхъ страдальцевъ въ исповѣданіи истинной вѣры дошло до слуха сей благоутробной Матери (т. е. Константинопольской церкви), и мы въ особенности чрезъ вашего брата и сына нашей церкви, Константина Англика, носителя настоящаго посланія, учителя (т. е. доктора) и честнѣйшаго іерея, — извѣстились яснѣе, что вы не придерживаетесь нововведеній, отъ нѣкихъ въ церкви Христовой происшедшихъ, но стоите твердо на основаніи вѣры, преданной намъ отъ Господа нашего и его учениковъ, — то сія святая церковь признала за благо писать вамъ и призвать къ единенію съ собою: не къ такому, какое было устроено подкупомъ во Флоренціи и которое скорѣе слѣдовало бы назвать отложеніемъ отъ истины, — почему мы его и не приняли, но напротивъ всячески уничижали, — но (къ единенію) по непреложному закону истины, въ коемъ единственно мы можемъ соединиться истинно и неколебимо. Ибо церковь Христова не сомнѣвается, судя по дошедшимъ до нея извѣстіямъ, что какъ скоро вы рѣшились противостать опаснымъ новизнамъ Рима, то вы будете съ нею согласны во всемъ, при посредничествѣ священнаго писанія, истиннѣйшаго судіи. Ибо хотя прежде и доходили до насъ недобрые о васъ слухи, будто вы не римскимъ вы-

τάπασιν ἠκυρώσαμεν, — ἀλλὰ κατὰ τὸν τῆς ἀληθείας ἀπαράγραπτον κανόνα, ἐν ᾧ μόνῳ ἀληθῶς ἑνοῦσθαι δυνάμεθα. Οὐκ ἀμφιβάλλει γὰρ ἡ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησία, ἐξ ὧν περὶ ὑμῶν ἤκουσεν ἀνενεχθέντων αὐτῇ, ὡς εἴρηται, ὡς ἄρα ταῖς ἐπικυνδύνοις τῆς Ῥώμης καινοτομίαις ἀνθιστάναι διέγνωτε, ὅτι σύμφωνοι αὐτῇ ἔσεσθε ἐν πᾶσι, τῆς ἱερᾶς μεσιτευούσης γραφῆς, τοῦ ἀληθεστάτου κριτοῦ. Εἰ γὰρ καὶ πρότερον οὐκ ἀγαθὰς περὶ ὑμῶν εἴχομεν φήμας, ὡς οὐ ταῖς Ῥωμαϊκαῖς ἐφευρέσεσιν ἀνθισταμένων, ἀλλὰ μᾶλλον ταῖς ἀρχαίαις τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας τῶν Χριστιανῶν παραδόσεσιν ἐναντιουμένων ἐν πλείοσιν· ἀλλ' ἐξ ὀλίγου καιροῦ μᾶλλον ἀναβιώσκειν, ὡς εἰπεῖν, ὑμᾶς ἐπληροφορήθημεν, καὶ πρὸς τὴν κοινὴν τῶν Χριστιανῶν θρησκείαν καὶ ἀληθῆ εὐσέβειαν ἐπενιέναι· οὐδὲ τὴν μητέρα καταλιμπάνειν, ἀλλὰ τῷ πόθῳ τῆς ἀληθινῆς μητρὸς ἐκκαιομένους, καὶ ταύτην ἔτι ζητοῦντας, πονεῖν. ὃ δὴ ἡ παρουσία τοῦ εἰρημένου εὐλαβοῦς ἱερεὼς σαφέστερον ἡμῖν ἐδήλωσε, ὡς προείρηται, διηγησαμένου τὰ καθ' ὑμᾶς κατὰ μέρος, καὶ δόντος μὲν αὐτοῦ ὁμολογίαν ἰδίαν, τῇ ἁγίᾳ μητρὶ ὑγιῶς ἔχουσαν καὶ εὐπρόςδεκτον, ἀποδεξαμένου δὲ καὶ τὴν δοθεῖσαν αὐτῷ παρ' αὐτῆς διδασκαλίαν τῆς ἀληθοῦς πίστεως, ἐν ᾗ δεῖ συμφωνεῖν πάντας τοὺς μέλλοντας σώζεσθαι, ἣν καὶ πρὸς τὴν ὑμῶν ἀγάπην κομιεῖ. Οὐκοῦν, ποθεινότατοι ἀδελφοὶ καὶ υἱοὶ, εἰ οὕτως ἐστὶν, ὡς ἀκούο-

solo vere ac tuto uniri possumus. Nec ambigit Christi Ecclesia ex his, quae de vobis laeta acceperat, ut dictum est, quod cum equidem periculosis Romae innovationibus obstare censuistis, concordes huic per omnia eritis, mediante adeo sacra scriptura vero iudice. Etsi dubiam ante de vobis famam habebamus, vos quasi haud Romanis innovationibus resistere solere, imo magis veteribus generalis Ecclesiae Christianorum traditionibus pro maiore parte refragari; tamen ex exiguo jam tempore vos maxime reviviscere, ut ita inquam, certi facti sumus, et ad communem Christianorum religionem ac veram professionem conscendere, neque matrem deserere, verum amore .verae matris conflagrantes, eamque flagitantes elaborare. Quod iam vel praesentia huius viri, devoti sacerdotis, clarius nobis significavit, ut ante dictum est: qui quidem nobis singula enarravit, deditque nobis suam propriam professionem, sanctae matri integre dispositam atque acceptam, recepitque doctrinam verae fidei ab ea sibi traditam, in qua omnes decet concordare conservandos, quam et ad vestram charitatem hic reddet. Itaque, dilectissimi fratres atque filii, si sic est, ut audimus et speramus, maturate pariter nobiscum unionem. Cum quibus enim vehementius poteritis aemulari ac permoliri adversus tentatores, quam in sinu verae

мысламъ противитесь, а скорѣе противоборствуете во многомъ древнимъ преданіямъ каѳолической христіанской церкви*): однако съ недавняго времени мы удостовѣрились, что вы, такъ сказать, возрождаетесь и приступаете къ общему христіанскому ученію и истинному благочестію; что вы не только не покидаете Матери (церкви), но томитесь, сжигаемые вожделѣніемъ истинной Матери, которой вы еще ищете**). Это яснѣе открылось намъ чрезъ присутствіе вышеназваннаго благочестиваго іерея, который, какъ сказано, изложилъ намъ все, что васъ касается, въ подробности и представилъ намъ свое собственное исповѣданіе вѣры, признанное Святою Матеріею здравымъ и удобопріемлемымъ, а съ своей стороны принялъ данное ему отъ нея наставленіе въ истинной вѣрѣ, въ коей должны согласоваться всѣ хотящіе спастись, каковое наставленіе онъ и сообщитъ вашей любви.

Итакъ, вожделѣнные братія и сыны, если дѣло таково, какъ мы слышимъ и надѣемся, поспѣшите единеніемъ съ нами. Ибо съ чьею помощью возможете крѣпче противодѣйствовать обидящимъ, какъ не въ лонѣ Матери (церкви) и подъ сѣнію истиннаго спасенія? И гдѣ возможете лучше обрѣсти прохладу, какъ не тамъ, гдѣ от-

---

*) Намекъ на эпоху преобладанія въ Чехіи таборитовъ и другихъ крайнихъ сектъ, выдвинутыхъ впередъ революціоннымъ движеніемъ и борьбою съ Германіею 1419—1434 гг.

**) Этими словами вполнѣ очерчено религіозное состояніе Чеховъ послѣ катастрофы, постигшей партію таборитовъ въ 1434 г., когда власть возвратилась къ первымъ послѣдователямъ Гуса (чашникамъ) и они стали искать возстановленія порванной революціоннымъ таборитскимъ движеніемъ связи съ основами вселенской церкви, вступая для этого то въ переговоры съ римскою церковью, то обращаясь въ Константинополь.

μεν καὶ ἐλπίζομεν, ἐπισπεύσατε τὴν μεθ' ἡμῶν ἕνωσιν. Μετὰ τίνων γὰρ ἰσχυρότερον δυνήσεσθε ζηλοῦν κατὰ τῶν ἐπηρεαζόντων, ἢ ἐν τῷ τῆς μητρὸς κόλπῳ, καὶ τῇ ῥοπῇ τῆς ἀληθοῦς σωτηρίας; καὶ ποῦ δυνήσεσθε βέλτιον ὑμᾶς ἀναψύξαι, ἢ ἔνθα ἀνέῳκται ἡ πήγη τῶν ζώντων ὑδάτων; Πάντες τοίνυν οἱ διψῶντες πρὸς τὰ ὕδατα ἔλθετε, καὶ ὠνήσασθε χωρὶς τινὸς συναλλάγματος οἶνον σώφρονος εὐφροσύνης, καὶ γάλα ἐκ τῶν μαστῶν τῆς παρακλήσεως αὐτῆς. Ἐλπίζομεν γὰρ ἐπὶ τῷ Θεῷ, ὅτι ἐν πᾶσι ἔσεσθε σύμφωνοι ἡμῖν, καὶ μετὰ ταῦτα σὺν ἐπιμελείᾳ μεγίστῃ καὶ ἀγάπῃ προνοήσομεν περὶ πνευματικῶν ποιμένων καὶ ἐπισκόπων τῶν ὑμετέρων ψυχῶν, ποιμαινόντων ὑμᾶς τῷ λόγῳ τῆς ἀληθείας, καὶ τῷ παραδείγματι τῆς ζωῆς οὐ θλιβόντων. Περὶ δὲ τὰ τῆς ἐκκλησίας ὑμῶν ἔθιμα, εὐγνωμόνως συγκαταβῆναι ὑμῖν μετὰ τοῦ ἀποστόλου βουλόμεθα ἐν ἐκείνοις, ὁπόσα ἐξ ἀγαθοῦ θεμελίου καὶ σκοποῦ καθαρωτάτου προΐασιν, καὶ ὧν ἡ συγκατάθεσις πρὸς μὲν ὑμετέραν οἰκοδομὴν ἔσται, τῇ δὲ τιμῇ τῆς ἁγίας μητρὸς ταύτης, καὶ τῇ ἀληθινῇ ἡμῶν περὶ αὐτὴν κοινωνίᾳ καὶ ὑποταγῇ οὐκ ἐναντιωθήσεται. Περὶ γὰρ τὴν διαφορὰν τῶν τοιούτων ἐθίμων οὐ χαλεπῶς ἔχομεν ἐξ ἀγαθῆς βουλήσεως τε καὶ διακρίσεως ἀβλαβῶς οἰκονομεῖν.

Δοίη δὲ ὁ Παντοκράτωρ Κύριος καὶ ὑμᾶς οὕτως ἔχειν, ὡς ἀρτίως ἐμάθομεν, καὶ ἄλλους πολλοὺς ὁμοίως ὑμῖν τὸ πνεῦμα τῆς ἀλη-

matris, ac praesidio verae salutis? Et ubinam commodius poteritis vosmet ipsos refrigerare, quam ubi patet fons aquarum viventium? Omnes ergo sitientes venite ad aquas: venite, et emite absque ulla commutatione vinum sobriae laetitiae, et lac ab uberibus consolationis eius. Speramus enim in Deum, vos in omnibus concordare nobiscum. Posthac cum studio praenimio ac singulari charitate providebimus de spiritualibus pastoribus ac curam gerentibus animarum vestrarum, pascentibus vos verbo veritatis, ac vitae exemplo haud affligentibus. De ritibus insuper vestris circa Ecclesiam benigne vobis assentiri cum Apostolo volumus; in his sane, quaecumque ex bono fundamento ac purissima intentione proficiscuntur, et quorum assensus ad vestram quidem aedificationem erit, honori autem huius matris Sanctae, ac verae nostrae in eam communicationi atque obedientiae minime adversabitur. Namque de differentia huiusmodi morum, haud difficile ducimus ex bona voluntate atque discretione innocenter dispensare atque tractare.

Det igitur omnipotens Dominus, vos quoque sic habere, quemadmodum modo rescivimus, ac multos alios vobis similiter spiritum

верстъ источникъ водъ живыхъ? Пріидите же всѣ жаждущіе къ водамъ, и пріимите безъ всякаго примѣшенія вино трезвенной радости и млеко отъ сосцевъ материнскаго утѣшенія. Ибо уповаемъ о Богѣ, что вы во всемъ будете согласны съ нами, и за тѣмъ мы съ величайшимъ тщаніемъ и любовію озаботимся о снабженіи васъ духовными пастырями и попечителями душъ вашихъ, которые будутъ пасти васъ словомъ истины и примѣромъ жизни не нанесутъ вамъ скорби. Относительно же обычаевъ вашей церкви, мы хотимъ, по апостолу, благомысленно сдѣлать вамъ снисхожденіе въ тѣхъ предметахъ, которые исходятъ изъ благаго основанія и самаго чистаго намѣренія и одобреніе коихъ послужитъ къ вашему назиданію и не будетъ противно чести сей святой Матери и нашему истинному о ней общенію и послушанію. Ибо, что касается таковыхъ различій въ обычаяхъ, то мы не затрудняемся благонамѣренно и разсудительно сдѣлать безвредныя уступки.

Да дастъ же вседержитель Господь, чтобы и вы были таковыми, какъ мы о васъ недавно узнали, и чтобы, подобно вамъ, многіе другіе воспріяли духъ истинной

θοῦς ἀναλαμβάνειν ζωῆς εἰς αὔξησιν καὶ πληθυσμὸν τῶν τῆς ἀληθοῦς μητρὸς γνησίων υἱῶν, καὶ ποιήσειεν ὑμᾶς σὺν ἡμῖν ἐν τῷ τῆς ἐκκλησίας οἴκῳ τοῖς αὐτοῖς δόγμασί τε καὶ ἤθεσι χαίροντας ἑνὶ στόματι καὶ καρδίᾳ αἰνεῖν αὐτὸν εἰς αἰῶνας αἰώνων. Ἀμήν.

Ὁ Νικομήδης Μακάριος.

Ὁ ταπεινὸς μητροπόλεως Τορνόβου Ἰγνάτιος.

Ὁ Φιλίππουπλου Ἰωσήφ, ταπεινὸς μητροπολίτης Ακάκιος.

Ὁ μέγας ἐκκλησιάρχης διάκονος, Σιλβεστρος ὁ Συρύπουλος.

Ὁ δικαιοφύλαξ καὶ ἱερομνήμων διάκονος, Θεόδωρος ὁ Αγαλλιανός.

Ὁ καθολικὸς τῆς τῶν ὀρθοδόξων ἐκκλησίας διδάσκαλος, ταπεινὸς μόναχος Γεννάδιος.

assumere verae ac certae vitae, ad incrementum atque multiplicitatem filiorum dilectorum verae matris, ac efficiat vos pariter nobiscum in Ecclesiae domo eisdem professionibus atque moribus gaudentes, uno ore cordeque hunc ipsum collaudare, in saecula saeculorum. Amen.

Ad certitudinem atque cautionem omnium ad quos praesentes pervenerint, sigillo consueto imaginis Dei nostri Jesu Christi, Deigenitricisque suae matris, in cera lazurea impressae, in buxeo ligno cavato pendentem, sub margine per sericum funiculum paonagium muniri, nec non subscriptionibus nostris potissimorum corroborari voluimus. Datum die XVIII Januarii, MCCCCLI, Indictionis XV.

жизни, во умноженіе и приращеніе присныхъ чадъ истинной Матери, и да сотворитъ Онъ, чтобы вы съ нами, въ единомъ домѣ церкви, содержа одни и тѣ же догматы и обычаи, едиными устами и сердцемъ восхваляли Его во вѣки вѣковъ. Аминь.

[Въ удостовѣреніе и ручательство для всѣхъ, къ кому достигнетъ сіе посланіе, мы приказали снабдить оное обычною печатью съ изображеніемъ Бога нашего Іисуса Христа и Матери Его Богородицы, оттиснутою на голубомъ воскѣ, привѣсивъ ее въ коробкѣ буксоваго дерева на шелковомъ фіолетовомъ снуркѣ, продѣтомъ въ полѣ, и скрѣпили подписями главнѣйшихъ между нами. Дано въ 18 день января, 1451 года, въ XV индиктъ].

Никомидійскій Макарій.

Смиренный митрополитъ Терновскій Игнатій.

Филиппопольскій Іосифъ.

Смиренный митрополитъ Акакій.

Великій екклисіархъ, діаконъ Сильвестръ Сирипулосъ.

Законохранитель и іеромнимонъ*), діаконъ Ѳеодоръ Агалліанъ.

Соборный учитель церкви православныхъ, смиренный монахъ Геннадій.

---

*) «Законохранитель»: то была особая должность въ гражданскомъ управленіи Византіи, а іеромнимонъ — должность церковная. Іеромнимонъ (состоявшій обыкновенно въ санѣ діаконѣ) исполнялъ нѣкоторые обряды при архіерейскомъ богослуженіи въ Константинополѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

—

Чехъ-гуситъ въ Константинополѣ.

(Разсказъ очевидца католика).

Къ числу повѣствованій объ осадѣ и взятіи Константинополя Турками принадлежитъ латинская эпическая поэма, писанная нѣкоимъ Убертино Пускуло, итальянцемъ, уроженцемъ Бреши, которому привелось находиться въ ту пору въ греческой столицѣ и который разсказываетъ всѣ подробности ея паденія, какъ очевидецъ. Не смотря на стихотворную оболочку и поэтическія метафоры, разсказъ его *) остается постоянно въ области дѣйствительныхъ фактовъ, но онъ дышитъ самымъ ярымъ фанатизмомъ католика, проникнутаго глубочайшею ненавистью къ греческой схизмѣ. Гибель Константинополя была въ его глазахъ «заслуженною карою народу, который презрѣлъ Божіи велѣнія и самовольно отрѣшился отъ установленнаго божественнымъ закономъ подчиненія римскому первосвященнику, коего Богъ поставилъ пастыремъ міру и назначилъ себѣ преемникомъ на землѣ. Его-то, продолжаетъ Пускуло, первая презрѣла тщеславная Греція и заразила своимъ примѣромъ многія племена: и что же? Гнѣвъ Божій осудилъ эти народы на рабство. Однихъ покорилъ себѣ воинственный Скиѳъ (т. е. Татаринъ), другихъ Турокъ, тѣхъ изнѣженный Аравитянинъ и быстрый въ бѣгствѣ Персъ».

При такомъ міросозерцаніи итальянскаго поэта, можно понять впечатлѣніе, какое произвело на него появленіе въ Константинополѣ посланца отъ Чеховъ-гуситовъ, принесшаго изъ среды западнаго міра слова любви и сочувствія греческой церкви. Пускуло передалъ намъ это впечатлѣніе. Пріѣхалъ посланецъ гуситовъ въ то время, когда населеніе Константинополя, разочарованное пораженіями армій латинской Европы у Варны (1444) и на Косовомъ полѣ (1448), — сбросило съ себя навязанную ему политикою императоровъ унію съ Римомъ, когда главные двигатели уніи, бывшій митрополитъ Россіи Исидоръ и патріархъ Григорій, принуждены были скрыться изъ Константинополя и столица оглашалась криками: «лучше служить Туркамъ, чѣмъ слушаться папы, чѣмъ попасть въ его стадо!» Видя, какой оборотъ принимаютъ дѣла, папа Николай V пишетъ императору Константину грозную грамоту, объявляя ему, что если не будетъ сдержано обѣщаніе подчинить греческую церковь римскому престолу, то Западъ предоставитъ Византію ея судьбѣ. Поэтъ изображаетъ тяжкое раздумье, въ которое это посланіе повергло несчастнаго государя.

---

*) Мы пользуемся изданіемъ Эллиссена въ приложеніи къ 3-й части его сборника «Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur».

At Constantini tunc illis forte diebus
Venerat haereticus quidam Boëmius urbem —
Solus qui sociis ustis evaserat ignes.
Monstrum hominis, rapidumque lupum velabat ovinâ
Pelle tegens. Claudi totum qui aspexit ut orbem,
In quoscunque locos pergat, se digna daturum
Supplicia exhorrens, latebris concedere tutis
Sperans, ad Grajos tanquam ad vivaria currit,
Et portum scelerum Graja intra moenia quaerit.
Qui monachûm primos adit, et se pectore toto
Pontifici infensum Romano monstrat; et ultro
Impia collaudat Grajorum dogmata, nec non
His eadem sentire probat; carpitque malignas
Confingens culpas, et crimina falsa parentem
Pastoremque pii populo. Scholarius illum
Excipit haereticus, Martis post horrida fata
Quam Danai extulerant, et primum erroris habebant,
Haerereosque ducem. Hic epulis peritura procaci
Membra fame reficit: dehinc magnis laudibus affert
Foedum hominem, claustrisque tenet penetralibus. O gens
Perfida Grajorum! Quae vos distraxit Erinnys
Tam dira, in praeceps vexatque tanta casuros
Tisiphone, o Graji cives; fodiatis ut, in quem
Et patriam, carasque domos, cum conjuge natos
Prodatis, laccum! Satis indulsisse furori
Non vobis visum fuerat, nec crimina digna
Exitio admisisse: prius sprevisse parentem
Ac toties violasse fidem; nisi desuper ultro
In medio haereticos templi vulgare Latinos
Impia gens cogas turbam. Succumbere culpae
Qui peccat simili reor et qui crimina laudat
Haud prohibens dum possit, ego, proh! perdita supra
Perdita corda hominum, foedos, moresque sinistros.
Jam currunt monachi ad templum; laicosque profanos
Invitant: jamjam jussos praeparare protervi
Quique ruunt non tam vinalia festa frequentes
Sollicitant, dum laeta petunt clamore theatra;
Et longis celebrant Paschae dum festa choreis,
Pontificem contra quem nunc ad crimina currunt.
Barbarus ut plenum templo affluxisse virorum

«А въ эти дни, продолжаетъ онъ *), случилось, что въ городъ Константина прибылъ нѣкій Чехъ-еретикъ, одинъ спасшись отъ костра, когда сожгли его товарищей **): не человѣкъ, а чудовище, въ которомъ бѣшеный волкъ скрывался подъ одеждой овцы. Увидѣвъ весь міръ вокругъ себя замкнутымъ, трепеща праведной казни, которая его ожидала, куда бы онъ ни обратился, онъ, въ надеждѣ найти убѣжище, ушелъ къ Грекамъ, какъ звѣрь бѣжитъ въ загонъ, и въ греческихъ стѣнахъ искалъ пріюта своимъ преступленіямъ. Онъ является къ старшимъ изъ монаховъ и показываетъ, что всѣмъ сердцемъ ненавидитъ римскаго первосвященника; и добровольно восхваляетъ онъ нечестивые догматы Грековъ и свидѣтельствуетъ, что самъ держится ихъ мнѣній и, изобрѣтая злобныя обвиненія и лживые попреки, осмѣиваетъ отца и пастыря благочестиваго народа (т. е. папу). Его принимаетъ еретикъ Схоларій ***), котораго послѣ бѣдствій войны ****) Греки вознесли и поставили себѣ въ руководители заблужденія и ереси. Онъ дерзкому пришельцу подкрѣпляетъ яствами изнемогшіе отъ голода члены, онъ превозноситъ злодѣя похвалами и даетъ ему пріютъ въ монастырѣ. О коварное племя Грековъ! Какая свирѣпая Немезида васъ помутила, какая Парка гонитъ васъ, греческіе люди, къ стремнинѣ, съ которой вы падете? что заставляетъ васъ копать ту яму, куда вы низвергнете и отечество и любезные дома и женъ и дѣтей своихъ? Недовольно съ васъ было, что вы предались своему неистовству и допустили преступленія, которыя не могутъ проститься, что вы презрѣли вашего отца (т. е. папу) и столько разъ нарушили данное слово. Нѣтъ, сверхъ того, тебѣ, нечестивому роду, нужно среди храма заставлять толпу привѣтствовать еретиковъ изъ латинянъ! Одинаковое осужденіе должно пасть на того, кто самъ грѣшитъ, какъ и на того, кто восхваляетъ чужой грѣхъ и ему не препятствуетъ, когда можетъ, — говорю я себѣ, оплакивая погибшія, увы, погибшія сердца людей и ихъ злодѣйскіе, превратные нравы!

---

*) Ubertini Pusculi Constantinopoleos, lib. II, 498—558.

**) Мы не знаемъ, дѣйствительно ли погибли на кострѣ товарищи Константина Ангелика, что было въ то время весьма возможно при проѣздѣ черезъ католическія страны, отдѣлявшія Чехію отъ Византіи, или поэтъ употребилъ здѣсь метафору, навѣянную воспоминаніемъ о Гусѣ и Іеронимѣ.

***) Георгій Схоларій, одинъ изъ подписавшихъ грамоту Гуситамъ, въ иночествѣ Геннадій, впослѣдствіи патріархъ.

****) т. е. послѣ пораженій латинскихъ армій при Варнѣ и на Косовомъ полѣ.

Conspexit numerum, sedem conscendere jussus
Constitit, ac toto villosus corpore vestes
Hirsutas, nudumque caput, longosque capillos,
Impexosque humeris jactans, dira ora resolvit:
Expectata diu vitiataque verba locutum
Excipit interpres vanus Francullius huncque
Grajorum sermone facit Romana sonantem
Concilio clarum falso, et quae dicier ore,
Et quae confingi poterant mala, quaeque furori
Suggerere ira potest laeso, dictante sororum
Eumenidum turbà, sanctum profundit ab alto
Pontificem contra solio, fidosque Latinos.
Hunc sequitur plausus: nimium quae digna fuere
Pontificis dixisse ferunt, gentisque Latinae.
Continuo insanam vulgatur fama per urbem,
Advenisse virum divino numine plenum
Dogmata qui Danaûm laudet, Christique fidelem
Praedicet hos populum, Romani nomina tantum
Si negat, atque gregem nolit pastoris haberi.
Talibus ignari discriminis, omnia miscent
Frequentantque forum curis, atque otia carpunt.

«Вотъ бѣгутъ къ храму монахи, зовутъ за собою мірянъ непросвѣщенныхъ. Вотъ, самые дерзновенные бросаются подготовлять тѣхъ, на кого имъ указано: не съ такимъ рвеніемъ стремятся они на сборъ винограда, не съ такимъ восторгомъ спѣшатъ на веселье въ театръ или длинными пѣснопѣніями славятъ праздникъ пасхи, съ какимъ теперь бѣгутъ слушать обвиненія противъ папы. Варваръ (т. е. чешскій посланецъ), когда увидѣлъ, что храмъ наполнился народомъ, взошедъ на указанное ему мѣсто, сталъ, весь покрытый волосами, въ косматомъ одѣяніи, съ обнаженною главою, и, расправляя по плечамъ длинные, нечесанные волосы, раскрылъ свои лютыя уста. Давно ожиданныя, развращенныя слова подхватываетъ вздорный толмачъ Франкулли и греческимъ языкомъ передаетъ вѣроломному сонмищу его латинскія рѣчи и съ высокаго амвона изливаетъ на святаго первосвященника и вѣрныхъ римлянъ все злое, что только можно произнести устами и выдумать умомъ и что только ненависть, подъ наитіемъ фурій, можетъ внушить безсильному бѣшенству.

«Ему рукоплещутъ; объявляютъ, что онъ сказалъ лишь достойное папы и латинянъ. По безумному городу ширится молва, что прибылъ мужъ, исполненный божественнаго вдохновенія, который восхваляетъ догматы Грековъ и провозглашаетъ ихъ за вѣрный Христу народъ, лишь бы только они отрекались отъ римскаго папы и не хотѣли принадлежать къ его стаду. Примѣшивая такія рѣчи ко всѣмъ разговорамъ, посѣщаютъ они площади и предаются отдыху, не вѣдая судьбы, ихъ ожидающей.»

Reipublicae Bojemae cap. VI.

III. Stetit autem profana haec ac vanissima terriculorum istorum colendorum superstitio, seculis, ut dixi, aliquot, nec variavit prius quam (si Annalibus Fuldensibus habenda est fides) Ludovici regis Franci opera ac jussu, baptizati in Theophania quatuordecim Bojemorum duces, cum hominibus suis Christianam religionem sponte suscepissent; vel (sicut nostri plerique omnes consentiunt) prius quam Borzivogius princeps Velehradi apud Moravos a Graecae religionis Episcopo D. Strachota, h. e. Metudio vel Methodio Christianorum sacris (ann. 894) Junio mense esset initiatus. Qui cum domum revertisset, et religionem quam recens erat amplexus, non modo palam profiteretur, verum etiam plantare in provincia conniteretur, efferata multitudo populi permagna, et ob abjectos absque consensu publico ritus sanctorum indignata, dignitate Borzivogium abdicavit, provinciaeque finibus excedere coëgit. Caruit tamen intempestivus hic et male consultus populi fervor eventu expectato. Nec enim homines, quam Borzivogii exemplo semel imbiberunt, et superstitionibus patriis certiorem esse cognoverunt, religionem deponebant, nec respub. principe destituta, motus graves ac turbas pernitiosistimas effugiebat. Revocare igitur ac loco priori restituere Borzivogium, necessitas imponebatur Bojemis. Revocatus ille rediit ex Moravia Pragam (ann. 898) stipatus ordinis sacri virorum comitatu frequenti. Excitus ab eo quoque est Archiepiscopus Welehradensis Cyrillus nostrate lingua *Crha* vocatus, qui populo vanis numinum commentis fascinato Christum praedicaret, ac legitimo unius, solius veri Dei cultu commonstrato, ritus religionis ordinaret, presbyteriumque et scholas constitueret. Solertissima ille usus diligentia dexteritateque, brevi permagnos fecit in erudienda multitudine profectus frequentissimo populi concursu conciones crebras in aede sacra, quae hodieque ante Laetam Curiam cognominatur, habere solitus. Quadriennio tandem post, constitutis

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

История чешской церкви до Гуса по Странскому.

(Извлечено изъ его книги «Respublica Bojema». Лейденъ 1633.)

(Послѣ разсказа о языческомъ періодѣ Чехіи, Странскій продолжаетъ, стр. 267:)

Суевѣрное поклоненіе языческимъ кумирамъ продолжалось неизмѣнно нѣсколько столѣтій, до того времени, когда (если можно вѣрить фульдской лѣтописи) 14 чешскихъ воеводъ, крещенные стараніемъ и повелѣніемъ франкскаго короля Людовика въ день Богоявленія, добровольно съ своими людьми приняли христіанскую вѣру; или *) когда (какъ единогласно показываютъ всѣ наши лѣтописцы) князь Боривой посвященъ былъ въ христіанскія таинства въ Велеградѣ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 894 года, Св. *Страхотою* или Меѳодіемъ, епископомъ греческой вѣры. Когда этотъ князь, возвратившись домой, сталъ не только явно исповѣдывать новую принятую имъ вѣру, но старался даже водворить ее въ области, то великое множество народа, разъяренное и негодующее за отверженіе

---

*) Одно событіе не противорѣчитъ другому. Въ 845 г. 14 чешскихъ волостелей или *леховъ* (какъ ихъ называли по-чешски) отправились къ Нѣмецкому королю Людовику въ Регенсбургъ и приняли тамъ крещеніе съ своею дружиною. Но земля оставалась въ язычествѣ до проповѣди Кирилла и Меѳодія, имѣвшей послѣдствіемъ крещеніе чешскаго князя Боривоя и его супруги Людмилы. Что касается до славянскихъ именъ, придаваемыхъ чешскимъ писателемъ нашимъ первоучителямъ, *Црга* и *Страхота*, то существованіе подобныхъ прозвищъ конечно свидѣтельствуетъ о популярности, какою пользовалась память Кирилла и Меѳодія въ Моравіи и Чехіи; но прозвища эти, хотя и возникли вѣроятно въ довольно отдаленное время, не могутъ считаться именами, которыя бы Кириллъ и Меѳодій дѣйствительно носили между Славянами. Невозможность такого предположенія доказываетъ имя *Страхота*. Это ничто иное, какъ переводъ слова *Metudius*, какъ писали имя Меѳодій невѣжественные средневѣковые монахи на западѣ, производя его отъ латинскаго слова *metus*, страхъ: конечно во время *Меѳодій* и при ближайшихъ его ученикахъ, еще знакомыхъ съ греческимъ языкомъ, подобное недоразумѣніе не могло возникнуть. Что касается до слова *Црга*, то это уменьшительное имени *Кириллъ*, но опять таки не въ его первоначальномъ греческомъ, а позднѣйшемъ латинскомъ произношеніи.

prius sacrorum administris et presbyterio Pragae, pietatisque ac liberalium disciplinarum schola Budeczci, Romam, (ann. 902) videndi magis quam discendi caussa, est profectus. Graecarum enim is in religiosis rebus instituta sequebatur, et Graeco, in plerisque tum adhuc opido sinceriore, non Romano ritu plantatam in Bojemia Ecclesiam ordinarat. Sumebat autem inter maximas ac continuas fere, gentilismo inhaerentis multitudinis non mediocris insectationes, conformata haec ad Graecum morem apud Bojemos religio novitia, majora indies incrementa, primaque illa sacrorum mutatione apparebat rem populi verti paulatim in melius. Exstructae in provincia passim aedes sacrae, et scholae tanto purioribus castae pietatis exercitiis ardentius personabant, quanto stercoreorum numinum vanitas, superstitionisque prioris illusio stulta, evidentior fiebat. Mira videbatur in terriculorum fanis lariisque solitudo.

своихъ святилищъ безъ общаго согласія, отрѣшило Боривоя отъ его сана и принудило удалиться изъ предѣловъ края. Однако эта несвоевременная и необдуманная народная вспышка на имѣла ожидаемаго послѣдствія. Ибо люди, которые по примѣру Боривоя приняли христіанство и познали его превосходство передъ отеческими суевѣріями, не отрекались отъ своей вѣры, и государство, лишенное своего князя, подверглось тяжкимъ потрясеніямъ и бѣдственнымъ смутамъ. Потому необходимость заставила Чеховъ призвать обратно и возвести въ прежній санъ Боривоя. Онъ возвратился изъ Моравіи въ Прагу (въ 898 г.), сопровождаемый многочисленнымъ сонмомъ духовныхъ лицъ. Имъ приглашенъ былъ и архіепископъ велеградскій Кириллъ *), на нашемъ языкѣ прозванный *Црга*, дабы народу, пребывавшему подъ обаяніемъ вымысловъ язычества, проповѣдать Христа и, наставивъ его въ поклоненіи единому истинному Богу, установить богослуженіе и учредить священство и училища. Съ ревностнѣйшимъ тщаніемъ и умѣніемъ исполняя это дѣло, Кириллъ въ короткое время успѣлъ весьма много въ поученіи народа; при многочисленномъ стеченіи слушателей держалъ онъ частыя проповѣди въ священномъ зданіи, что понынѣ сохраняетъ названіе «предъ Лѣвымъ Градцемъ» **). Спустя четыре года, установивъ священство и духовное управленіе въ Прагѣ и училище для наставленія въ вѣрѣ и наукахъ въ Будечѣ, онъ отправился въ Римъ (въ 902 г.) *) болѣе для того, чтобы видѣть этотъ городъ, чѣмъ чтобы получить тамъ наставленіе. Ибо онъ въ духовныхъ предметахъ слѣдовалъ уставамъ Грековъ и устроилъ насажденную въ Чехіи церковь по греческому обряду, который былъ тогда по большей части гораздо чище, а не по обряду римскому. Среди великихъ и непрестанныхъ гоненій со стороны многочисленныхъ приверженцевъ язычества, новая вѣра, установленная у Чеховъ по образцу Грековъ, возрастала постепенно все

---

*) Хронологія здѣсь спутана. Кириллъ скончался, какъ извѣстно, въ 869 году, да едва ли и былъ когда либо лично въ Чехіи. Чешская легенда, конечно, приписала св. Кириллу то, что сдѣлали его ученики, а можетъ быть и непосредственно его братъ Меѳодій. Впрочемъ разсказъ о дѣятельности св. Кирилла въ Чехіи былъ въ ходу уже въ XIV вѣкѣ.

**) Laetam Curiam есть очевидно опечатка вмѣсто Laevam Curiam. — Лѣвый Градецъ, старинное мѣстопребываніе чешскихъ королей, въ недальнемъ разстояніи отъ Праги, надъ Волтавою, былъ мѣстомъ, гдѣ построена Боривоемъ первая въ Чехіи церковь, храмъ св. Климента (см. Томка, Dějepis Prahy, стр. 7).

IV. Potiente vero rerum in Bojemia principe Boleslao Leni, Mlada ejus soror (incertum cujus consilio) Romam abit et ritus ecclesiae Latinae complexa, in Bojemam redit, Johannisque Romani Papae XIII. Bullam de antiquandis Graecis, et introducendis Latinis religionis ritibus, fratri Duci reddit. ann. 967. Hinc nata sunt secundum jam variandae apud gentem meam religionis principia. Accepta namque Bulla Papali Boleslaus, procerum Christianorum concilium convocat, et praesulis Romani placitum iis aperit, simulque ostendit, stare sibi in animo, ut in arcis templo (templum hoc Venceslaus Princeps et Martyr honori D. Viti dedicarat) Episcopum Romanarum ceremoniarum per provinciam moderatorem constituat. Monet praeterea omnes, ut id calculo similiter suo comprobent, et sacrorum ritus à Mlada sorore Roma illatos, prolixeque collaudatos, secum ultro, cum amplectantur ipsi, tum suos quisque amplecti jubeant. Voluntate principis audita, fit murmur in concilio, parsque assensu dicta comprobat, pars vero muliebre judicium repudiat, nec bene à Cyrillo Metudioque constituta, novationibus ullis esse convellenda clamat. Perstat nihilominus in sententia princeps, et Diethmarum quendam Saxonem, qui nuper Pragam ad tumbas Dd. Viti et Venceslai religionis causa advenit, et ob facundiam, linguaeque Slavicae scientiam, multum in aula carus fuit, Episcopum declarat. Ab eo igitur tempore gens Bojema scissa in tres religionum sectas fuit. Alii siquidem, quorum tamen numerus sensim minuebatur, gentili, alii Romano, alii Graeco more sacra tractabant. Temporis tandem progressu gentilismus prorsus exolevit, et nobilitas praecipua, ut et plerique omnes, qui cum Germanis vicinis frequentiores esse, commerciaque habere consuêrant, à ritibus Graecis recesserunt. Tenuiores duntaxat et plebs, rebus domi praesentibus contenta, Graeci ritus sacra tenaciter servabat.

болѣе и болѣе и подъ вліяніемъ ея улучшалось понемногу состояніе народа. Въ разныхъ мѣстахъ страны строились священные храмы, и училища тѣмъ ревностнѣе оглашались ученіемъ чистой вѣры, чѣмъ явственнѣе обнаруживалась тщета прежнихъ идоловъ и безсмысленность старыхъ суевѣрій. Языческія божницы и капища опустѣли.

Во время княженія въ Чехіи Болеслава Кроткаго, его сестра Млада (неизвѣстно по чьему внушенію) отправилась въ Римъ, приняла тамъ уставы латинской церкви и, возвратившись въ Чехію, вручила брату буллу папы Іоанна XIII, коею повелѣвалось отринуть обряды греческой и ввести обряды латинской церкви. Это послужило началомъ ко вторичному измѣненію вѣры въ моемъ народѣ. Ибо Болеславъ, принявъ папскую буллу, созвалъ собраніе главнѣйшихъ христіанъ, объявилъ имъ повелѣніе римскаго первосвященника и сообщилъ имъ свое намѣреніе назначить при храмѣ княжескаго зàмка (храмъ этотъ былъ посвященъ княземъ мученикомъ Вячеславомъ имени св. Вита) епископа для управленія римскою церковью въ странѣ. При этомъ онъ убѣждалъ всѣхъ это одобрить и вмѣстѣ съ нимъ добровольно принять принесенные его сестрою Младою изъ Рима обряды, которые онъ пространно расхваливалъ, прося каждаго приказать и своимъ послѣдовать тому же примѣру. Когда услышали княжескую волю, въ собраніи поднялся ропотъ: одни поддержали князя своимъ согласіемъ, другіе же отвергали внушенное женщиною рѣшеніе и кричали, что не слѣдуетъ разрушать нововведеніями того, что благоустроили Кириллъ и Меѳодій. Тѣмъ не менѣе князь остался при своемъ рѣшеніи и провозгласилъ епископомъ нѣкоего саксонца Дитмара, недавно прибывшаго въ Прагу для поклоненія мощамъ свв. Вита и Вячеслава и сдѣлавшагося любимцемъ двора вслѣдствіе своего краснорѣчія и знанія славянскаго языка. Съ этого времени чешскій народъ раздѣлился въ вѣрѣ на три части. Одни, число коихъ постепенно уменьшалось, были язычники, другіе слѣдовали обрядамъ римской, третьи греческой церкви. Наконецъ съ теченіемъ времени язычество совершенно исчезло и знатнѣйшее дворянство, также какъ и всѣ тѣ, которые соприкасались съ сосѣдними Нѣмцами и имѣли съ ними сношенія, отступили отъ греческихъ обрядовъ. Только люди менѣе значительные и простонародье, довольствующееся своимъ домашнимъ обиходомъ, упорно хранили священные обряды греческой церкви.

V. Aeque autem vetustioris Graecae, quam recentioris Latinae disciplinae sectatores, coetus suos sacros agitare libere poterant, atque agitabant. Et cum nihilominus plebs rudior, partim ex paganismo repetitis, partim ex plausibiliore Latini ritus disciplina attractis opinionibus Graecae observantiae sinceritatem sensim et incogitanter contaminasset, commodum evenit, ut religiosi quidam ex Galliis, Germaniâque profligati, Petri Waldi discipuli, viri tum pietate, tum sacrarum literarum scientia spectatissimi (ann. 1176) in Bojemiam venirent, et delecto ad Zatecium, Launamque domicilio, permultos ex qualis qualis tum adhuc Graecae observantiae incolis, familiares sibi facerent. His igitur naevos quibus religionem inquinatam haberent, illi, qua fieri potuit modestissima ratione demonstrabant, et quid de unoquoque fidei Christianae capite castius esset sentiendum? ex scripto Dei verbo inculcabant. Factum hac monitorum opera est, ut et pietatis puriores consectatores, tam in bono quod hactenus tenuerunt obfirmarentur, quam emendandis, in quibus hallucinabantur advigilarent, et Latinarum partium Antistitibus stomachus commoveretur. Quamvis autem monachi sacerdotesque ex eorum grege modis omnibus laborabant, ut nulla alia, quam, quae cum Romanae sedis decretis tota congrueret, religio in regno obtineret, ut tamen, repurgatae, quam diximus, pietatis exercitia nusquam publica essent, efficere haud quaquam potuerunt. Multis demum, ac longis sudoribus Carolo remp. Bojemam gerente, rem lò deduxerunt, ut cum suo tum confluentium, ad recens Pragae erectam studiorum liberalium Scholam Universalem zelotarum peregrinorum instinctu omnes ab Ecclesiae Romanae institutis alienas religiones, promulgatis quibusdam statutis vetuerit primus in Bojemia Archiepiscopus Ernestus. At vero ne sic quidem, quod urgebant consequi videbant tranquillitatis publicae turbatores monachi. Intercesserunt enim interdicto isti M. Johannes Miliczius, Cunradus Stickna, aliique quidam viri docti et pii. Nunquam ii eo poterant perduci, ut ab habendis more suo nunc in arce regia, nunc ante laetam Curiam, vel loco quovis opportuno, coetibus sacris abstinerent. Offensus horum hac μεγαλοψυχία P. M. Gregorius XI. Miliczio sacris interdicebat, et excommunicationis fulmine in eum detonabat. Sic: cum viri isti in vivis esse desissent et jam quoque sicut Ernestus Archiepiscopus pedum Johanni Vk, sive Ocello, primo sedis Apostolicae legato, ita Carolus Rex regnum Wenceslao filio, reliquissent iisdem, vicinis Graeco more institutis, rem divinam in aede arcis regiae sacra, sub turri majore, frequentibus concionibus, facere erat solitus M. Matthias de Janova cognomento Parisiensis.

Но приверженцамъ какъ древнѣйшаго греческаго, такъ и новѣйшаго латинскаго ученія предоставлялась свобода богослуженія, и они этою свободою дѣйствительно пользовались. А какъ при этомъ простонародье понемногу и безсознательно запятнало чистоту греческаго исповѣданія, частью привнесенными изъ язычества обычаями, частью мнѣніями, заимствованными изъ заманчиваго ученія латинской церкви, то послѣдствіемъ этого было, что изгнанные изъ Франціи и Германіи проповѣдники, ученики Петра Вальда, отличавшіеся благочестіемъ и знаніемъ священнаго писанія, прибывъ въ 1176 г. въ Чехію и поселившись въ Жатцѣ и Лоунахъ, легко привлекли на свою сторону весьма многихъ изъ жителей, придерживавшихся еще кое-какъ греческаго исповѣданія. Они имъ самымъ скромнымъ образомъ указывали на искаженія, какія вкрались въ ихъ вѣру и объясняли имъ по священному писанію, въ чемъ заключается по каждому предмету настоящее ученіе христіанства. Благодаря дѣятельности этихъ проповѣдниковъ, послѣдователи чистаго вѣроученія утверждались въ благихъ правилахъ, которыхъ они дотолѣ держались, и стали заботиться объ исправленіи того, въ чемъ они впали въ заблужденія; но зато архіереи латинской партіи пылали гнѣвомъ. Но, не взирая на то, что подручные имъ монахи и священники всячески старались, чтобы въ королевствѣ не было никакой другой религіи, кромѣ такой, которая вполнѣ соотвѣтствовала постановленіямъ римскаго престола, они не могли добиться прекращенія публичнаго богослуженія другаго, очистившагося упомянутымъ нами способомъ, исповѣданія. Наконецъ, послѣ многихъ и продолжительныхъ усилій, имъ удалось, въ царствованіе Карла, достигнуть того, что первый чешскій архіепископъ Эрнестъ, по внушенію какъ самого Карла, такъ и фанатиковъ-иностранцевъ, стекавшихся въ новоучрежденный въ Прагѣ университетъ, запретилъ узаконеніемъ всякую уклоняющуюся отъ установленій римской церкви вѣру. Но и это не помогло монахамъ, возмутителямъ-общественнаго спокойствія. Ибо означенному запрещенію воспротивились магистръ Іоаннъ Миличъ, Конрадъ Щекна и нѣкоторые другіе ученые и благочестивые мужи. Ихъ никакъ нельзя было заставить отказаться отъ обычныхъ священныхъ сходбищъ, собиравшихся то въ королевскомъ замкѣ, то передъ Лѣвымъ Градцемъ, то въ другомъ удобномъ мѣстѣ. Оскорбленный ихъ упорствомъ, папа Григорій XI воспретилъ Миличу священнодѣйствіе и провозгласилъ его отлученіе. Когда же названные мужи умерли, а мѣсто архіепископа Эрнеста занялъ Іоаннъ Укъ или Очко, первый апостольскій легатъ

VI. Johanne Archiepiscopo morte sublato, datus est ei successor Johannes alius, cognomento Gensteinius, vir religioni, pacique natus. Is quia sacrificis, monachisque plus quam par erat, indulgens fuit, lenitate sua, ac conniventia causam is praebuit, abhorrentis à Romanae sedis placitis, sacrorum exercitii, sicut ex arcis Regiae, ac quibusvis toto regno templis, penitus eliminandi, ita brevissimo tempore post, omnibus prorsus in locis, partim dirarum imprecationibus, partim armis sanguinariis omnino sistendi. Etenim quia, nunc in nobilitatis veritatem amantis castellis nunc in abditis sylvarum recessibus invisi sibi cultus sacra, à promiscua turba ingenti multitudine passim frequentari, nec dirarum anathemata quicquam contra proficere compererant, armis correptis, in redeuntes à coetibus sacris manu militari insiliebant, eosque pulsabant, spoliabant, abducebant, mulctabant, excarnificabant, gladio, vel igni perdebant, in metalli fodinas Cutnenses praecipitabant. Duravit malorum haec lerna, ac conscientiarum carnificina, ab Johannis Vk Archiepiscopi obitu, totos ferè annos viginti. Gliscentibus verò adhuc tam perniciosis machinationibus istis, excitavit Bojemis Deus fidelem voluntatis suae veritatisque propugnatorum M. Johannem Hussum, qui et politicorum rabiei sacerdotalis ministrorum inconsiderantiam, et sacerdotum ipsorum in oppugnanda caelesti sapientia saevitiam, verbis acribus corriperet. Vocavit illum ex Academia Pragensi Johannes Mulheimius, ac in sacello, quod à fundatore primo Cruce Institore emptum, non ita pridem (ann. 1400) consensu Wenceslai Regis, Johannisque Archiepiscopi ex obscuro splendidius, aedificavit, quodque Bethlehem cognominavit, in sacra verbi Dei praedicandi functione M. Stephano de Colonia Successorem dedit (ann. 1402). Aperuit autem permultis omnium ordinum hominibus in malitia non penitus obduratis, oculos, ejus ministerio Deus, ut tum ab ulteriore innocentis populi persequutione desisterent, tum agnitis monachorum Romanensium praestigiis, ad puriorem majoribusque olim suis probatam, colendi Dei disciplinam ipsi quoque transirent. Exacerbati isthac Hussi παῤῥησίᾳ Romanae obedientiae sacerdotes, indignantesque in profliganda, quam oderant, religionis via, operam tot annorum suam frustra fuisse, jam apud Archiepiscopum, jam ad Regem, jam ad Caesarem, jam ad

въ Чехіи, королевскій же престолъ наслѣдовалъ сынъ Карла Вячеславъ, то это, сходное съ греческими установленіями, богослуженіе продолжалъ, въ храмѣ королевскаго замка, подъ большою башнею, при многочисленныхъ собраніяхъ народа, магистръ Матвѣй изъ Янова, по прозванію Парижскій.

Послѣ смерти архіепископа Іоанна, ему назначенъ былъ въ преемники другой Іоаннъ, по прозванію Енштейнъ, человѣкъ благочестивый и миролюбивый. Онъ, оказывая излишнее послабленіе священникамъ и монахамъ, своею уступчивостью и потворствомъ причинилъ то, что всякое несогласное съ повелѣніями римскаго престола богослуженіе было совершенно изгнано, какъ изъ королевскаго замка, такъ и изо всѣхъ храмовъ въ государствѣ и вслѣдъ за симъ почти повсемѣстно прекращено, частью угрозою анаѳемы, частью кровавымъ оружіемъ. Ибо когда стали замѣчать, что ненавистное богослуженіе, продолжаемое то въ замкахъ нѣкоторыхъ дворянъ, приверженцевъ истины, то въ глуши лѣсовъ, посѣщается громадными толпами народа и никакія анаѳемы противъ этого не помогаютъ, — то взялись за оружіе и стали устремлять на возврщающихся со священныхъ сходбищъ военную силу, бить ихъ, грабить, уводить, подвергать пенямъ, пытать, казнить мечемъ или огнемъ, бросать въ рудники Кутненскихъ копей. Это время бѣдствій и истязанія совѣстей длилось, со смерти архіепископа Іоанна Ука, почти двадцать лѣтъ. Пока еще умножались эти гибельныя казни, Богъ воздвигъ Чехамъ вѣрнаго защитника своей воли и правды, магистра Іоанна Гуса, который острыми словами обличилъ неразуміе гражданскихъ властей, дѣлавшихся орудіемъ звѣрства священниковъ, и неистовство самихъ священниковъ, ратовавшихъ противъ небесной мудрости. Его призвалъ изъ Пражскаго университета Іоаннъ Мюльгеймъ и опредѣлилъ къ часовнѣ, купленной имъ отъ перваго ея учредителя, торговца Крижа*), и не задолго передъ тѣмъ (въ 1400 г.) съ согласія короля Вячеслава и архіепископа Іоанна имъ великолѣпно отстроенной и названной Виѳлеемомъ. Гусъ былъ назначенъ преемникомъ Стефана Кельнскаго въ священной обязанности проповѣдника слова Божія при этой часовнѣ (въ 1402 г.). Черезъ его-то (Гуса) посредство, Богъ открылъ глаза многимъ людямъ всякаго состоянія, не вполнѣ закоснѣвшимъ въ злобѣ, такъ что они отступились отъ дальнѣйшаго

*) Crux institor или mercator: такъ онъ названъ въ нѣсколькихъ документахъ.

Papam Romanum, multis ipsum criminantur, nec sudare desistunt priùs, quam pellectus Constantiam sub fide Caesaris publica Hussus, à Concilii senatu (ann. 1415) haereseos damnaretur, ac ignis supplicio de medio tolleretur.

XVII. Reliqua est gubernandorum apud Bojemos Evangelicos sacrorum ratio, et administrationis ordo. Apud Pontificios is perpetuo fere idem, apud Evangelicos vero pro temporum ratione varius fuit. Apud Pontificios, summi moderandorum sacrorum praesides, perraro dignitatem aliter quam cum vita amittebant; apud Evangelicos, prout, et quotiescunque è re videbatur, mutari erant soliti; apud Pontificios gubernatio monarchiae, apud Evangelicos aristocratiae similior, obtinebat. Vetustissimi autem sui in moderando divino cultu ordinis primordia D. Cyrillo Archiepiscopo Welehradensi ferunt accepta Bojemi Evangelici. Is enim cum à Borzivogio I. Pragam esset adductus, in principis sacello ante Laetam Curiam, cum conciones auditorio frequentissimo habebat, tum docendae religionis ministros populo, (ann. 902) ministrisque ipsis presbyterorum collegium, Leiturgiam, ac ceremonias sacras, more Graeco ordinavit. Ordine in hoc collegio, non gradu primus, scribitur fuisse Paulus Caichus, vir ob pietatem Borzivogio Lidmilaeque carissimus, qui tam ante quam exturbatus à Suatopluco Rege in Bojemiam è Moravia venit, quam posteaquam ex ea recessit D. Metudius, sacro in mea gente ordini praefuit. Huic quemadmodum et presbyteris ejus collegis caeteris, ut quisque de vita decesserat, surrogabantur consilio communi ex ministrorum (sacerdotes vulgus vocabat) omni numero qui judicabantur maxime idonei. Administrata autem hac ratione, et in pietatis disciplina conservata fuit gentis meae Ecclesia, toto Borzivogii, Spi-

преслѣдованія невинныхъ людей и, уразумѣвъ обманы латинствующихъ монаховъ, сами переходили къ болѣе чистому исповѣданью, котораго нѣкогда держались ихъ предки. Раздраженные смѣлостью Гуса и негодуя на то, что усилія, ими столько лѣтъ потраченныя на искорененіе ненавистнаго имъ религіознаго направленія, оказывались тщетными, священники, преданные Риму, стали обвинять его то передъ архіепископомъ, то передъ королемъ, то передъ императоромъ, то передъ римскимъ папою, и не перестали работать до тѣхъ поръ, пока, привлеченный въ Констанцъ подъ ручательствомъ охранной грамоты императорской, онъ былъ осужденъ соборомъ за ересь (въ 1415 г.) и преданъ казни огнемъ.

(Далѣе Странскій излагаетъ церковныя событія въ Чехіи отъ смерти Гуса до страшной катастрофы, сопровождавшей возстановленіе тамъ католицизма въ его время, и переходя за тѣмъ къ обзору чешской іерархіи, послѣ перечня римскихъ епископовъ и архіепископовъ, продолжаетъ, стр. 304:)

Остается представить способъ и порядокъ церковнаго управленія у чеховъ-евангеликовъ *). У папистовъ онъ былъ постоянно почти одинъ и тотъ же, у евангеликовъ же измѣнялся сообразно времени. У папистовъ высшіе правители церкви рѣдко утрачивали свой санъ до смерти; у евангеликовъ они мѣнялись всякій разъ, когда въ томъ усматривалась надобность; у папистовъ правленіе уподоблялось монархіи, у евангеликовъ аристократіи. Начала своего древнѣйшаго церковнаго устройства чехи-евангелики возводятъ къ св. Кириллу архіепископу велеградскому. Онъ, бывъ приглашенъ въ Прагу Боривоемъ I, проповѣдывалъ предъ многочисленнымъ стеченіемъ народа въ небольшомъ княжескомъ храмѣ предъ Лѣвымъ Градцемъ, поставилъ народу духовныхъ пастырей, а надъ ними коллегію пресвитеровъ (902) и установилъ литургію и священныя службы по греческому обряду. По порядку назначенія, а не сану, первымъ въ этой коллегіи былъ, какъ пишутъ, Павелъ Капкъ, человѣкъ, котораго Боривой и Людмила весьма любили за его благочестіе и который былъ священноначальникомъ въ Чехіи, какъ до прибытія туда св. Меѳодія, вытѣсненнаго изъ Моравіи королемъ Святополкомъ, такъ и послѣ его отъѣзда. Этотъ Капкъ,

*) Подъ именемъ evangelici Странскій разумѣетъ партію не подчинявшихся Риму, въ противоположность папистамъ, которыхъ онъ называетъ pontificii.

tihnevi, Wratislai, Wenceslai, Boleslai Saevi, et ailquanto Boleslai Lenis dominationis tempore, per annos praeter propter septuaginta, ad eam usque tempestatem, qua Diethmarus Episcopus Ecclesiarum Bojemicarum regimini à Boleslao fuit praefectus. Neque tamen Graecae disciplinae ille tam infensus, abrogandoque penitus, introducto per D. Cyrillum ordini intentus, vel fuit, vel propter potestatis brevitatem esse potuit Diethmarus, ut ritus gentis Bulgarae tum statim, velut sanciebat PP. Johannes, antiquatos quis fuisse objiciat. Wogetiechus ejus successor, qui annos viginti quinque in dignitate transegit, natus et enutritus in ea disciplina fuit. Latinae observantiae sacerdotes alii, tametsi potentia opibusque antecellebant, amicitiam tamen cum Graecae, seu, quod idem erat, cum Bulgarae disciplinae hominibus, non tantum colebant, verum etiam ex eorum presbyterio unum atque alterum, inter Canonicos templi D. Vito consecrati, semper allegebant, qui sacris more suo seorsim in peculiari aedicula, sub majore, ut diximus, turri, operarentur, domiciliumque apud eam suum haberent. Stetit ea aedicula, donec Wladislai II regis aevo, à Paulo Pauczeco Doctore, et templi in arce regii Praeposito, diruta, inque domum, in qua ipse habitaret, transformata fuit.

XVIII. Etsi vero omnium, qui et qui et quodammodo, vel quo tempore ad sacrum hoc opus curandum adoptabantur, nomina exactè non possunt edi, rem tamen hanc adversarii pro conficta tum demum jure poterunt habere, cum ipsi suorum quae nunc recens è veteribus ruinis complura excitant, coenobiorum antesignanos priscos, nobis digno fide stylo, ac ordine imperplexo describerent. Negare nihilominus neutiquam possunt fuisse nostros, Letomilium sub D. Wenceslao, Prostivogium sub Boleslao Leni, Johannem Mravicum, et Henricum Lubnaeum sub Johanne, Cunradum Stieknam et M. Johannem Miliczium Baronem, sub Carolo, M. Matthiam de Janova cognomento Parisiensem, M. Johannem Hussum, permultosque alios sub Wenceslao. Regis hujus temporibus exarserunt in Evangelicae veritatis indagatores, ac cultores, Pontificii, et statim ab Johannis Ocelli Archiepiscopi Cardinalisque morte, persequi eos acerbissimè coeperunt.

также какъ прочіе пресвитеры, члены коллегіи, послѣ смерти каждаго, замѣщаемы были, съ общаго совѣта, кѣмъ либо изъ числа простыхъ священниковъ, считавшимся наиболѣе достойнымъ. Такимъ способомъ управлялась и удерживалась въ благочестіи церковь въ моемъ отечествѣ во все время княженій Боривоя, Спитигнѣва, Вратислава (912—926), Вячеслава (926—935), Болеслава Жестокаго (935—967) и въ началѣ княженія Болеслава Кроткаго (967—999), въ продолженіе около 70 лѣтъ, пока Болеславъ поставилъ епископа Дитмара во главу чешской церкви *). Однако Дитмаръ не былъ, или по кратковременности своего правленія не могъ быть, настолько непріязненнымъ греческому ученію, настолько настойчивымъ въ отмѣнѣ установленнаго св. Кирилломъ порядка, чтобы можно было думать, что болгарскіе обряды были тогда же немедленно уничтожены, какъ то приказывалъ папа Іоаннъ. Преемникъ Дитмара Войтѣхъ, состоявшій 25 лѣтъ въ санѣ епископа, былъ рожденъ и воспитанъ въ этомъ вѣроученіи. Нѣкоторые священники латинскаго обряда, хотя и первенствовали могуществомъ, не только поддерживали дружбу съ людьми греческаго или, что то же самое, болгарскаго ученія, но даже всегда избирали въ число канониковъ храма св. Вита двоихъ изъ ихъ пресвитеровъ, которые могли священнодѣйствовать отдѣльно по своему обряду въ особой часовнѣ подъ упомянутой мною большою башнею и при ней имѣли жительство. Эта часовня существовала до того времени, когда она, при королѣ Владиславѣ II (1140—1173) была разрушена Павломъ Паучекомъ, докторомъ и настоятелемъ придворной замковой церкви, и обращена имъ въ домъ для собственнаго жительства.

Хотя невозможно привести въ точности имена, а также обстоятельства и время избранія всѣхъ лицъ, которыя призывались къ этому священному служенію, однако такой недостатокъ свѣдѣній давалъ бы противникамъ нашимъ право выставлять самое дѣло (т. е. преемственное храненіе греческаго преданія) какъ вымыселъ въ такомъ только случаѣ, если бы они сами въ состояніи были указать намъ достовѣрнымъ образомъ и въ непрерывной преемственности прежнихъ настоятелей тѣхъ монастырей, которые въ настоящее время въ столь значительномъ числѣ возстановляются изъ развалинъ **). Тѣмъ не менѣе они никакъ не могутъ отрицать, что *нашими*

*) Учрежденіе въ Прагѣ латинской епископской каѳедры послѣдовало въ 973 году.

**) Въ ту пору, когда писалъ Странскій, латиняне, пользуясь своимъ тор-

Consequenti etiam id sunt rigiditate suâ, et violentiâ, ut nec in templis, nec in scholis palam apparerent ulla ejusce cultus vestigia. M. Johannem Hussum, qui atrocitati se illorum opponebat, religionisque tamdiu cultae, et nuper demum suppressae, disciplinam in lucem revocabat, acerrimè insectari non ante destiterunt, quàm is Constantiae esset, flammis è medio sublatus. Tam multis igitur, tamque enormibus injuriis lacessiti Hussi discipuli Bojemi, inter quos permulti adhuc erant, qui Miliczio quandam, et Parisiensi doctoribus fuerant usi armata, ut diximus manu, revocatam ex abdito Evangelicam religionis professionem, in templa passim reduxerunt, et quia diu illam, absque ordine, et tabernaculis stare non posse sentiebant, frequentes apud Pragam ad Nonas Julias (ann. 1421) ex Bojemia omni, Moraviaque confluunt, et re diu, ac multum excussa, quo D. Cyrillum quondam sciebant salutariter usum, exemplo illo prisco, sacrorum, et tractandorum, et gubernandorum ordinem descripserunt, et Presbyterium Pragae novum, quod ordini illi servando praeesset, de assensu Archiepiscopi Cunradi erexerunt, ejusque antesignanum Archiepiscopatus Pragensis Administratorem appellarunt. Descriptus in hac Synodo, ac articulis compluribus comprehensus Ordo, circumfertur etiamnum typis vulgatus. Restitutum ergo per id tempus Bojemis, â Latinorum cultu alienioribus, regimen sacrorum ecclesiasticum, ut et ipsa religionis libertas, perpetuo deinceps viguit in mea gente, et Regibus consciis, accitisque in consilium hoc Magistris Professoribus, et Ecclesiarium Pragensium Pastoribus, itemque ex regni provinciis Decanis omnibus, vel ab Ordinibus ipsis conventu frequenti, vel per selectos ad id votis communibus proceres fidei domesticos, (Defensores vocabantur) prout usus fuit, innovabatur. Regis autem fuit, eam innovationem habere ratam et confirmare. Domus Academica, quae Carolina dicitur capiendis consiliis hisce sacris, et tractandis quae muneris hujus erant, rebus caeteris, jam tum inde â principio fuit destinata. Frequentare ergo eam erant soliti, Ordines quidem ipsi, ut et Defensores, quoties è re fuit; Administrator vero cum suis collegis, statis cujusque hebdomadae diebus, et quae officii erant, expediebat.

были Летомилъ при св. Вячеславѣ (926—935), Простивой при Болеславѣ Кроткомъ (967—999), Іоаннъ Мравикъ и Генрихъ Лубенскій при Іоаннѣ (1311—1346), Конрадъ Щекна и дворянинъ, магистръ Іоаннъ Миличъ при Карлѣ (1346—1378), магистръ Матвѣй изъ Янова, по прозвищу Парижскій, магистръ Іоаннъ Гусъ и многіе другіе при Вячеславѣ (1378—1419). Въ царствованіе сего послѣдняго паписты воспылали враждою противъ ревнителей и послѣдователей евангельской истины и тотчасъ послѣ смерти архіепископа кардинала Іоанна Очка начали ихъ свирѣпо преслѣдовать. Своею жестокостью и насиліемъ они достигли того, что ни въ храмахъ, ни въ школахъ не замѣтно стало никакихъ явныхъ слѣдовъ этого исповѣданія. Магистра Іоанна Гуса, который противодѣйствовалъ ихъ неистовству и старался возстановить ученіе вѣры, столь долго хранимой и лишь въ недавнее время подавленной, они не переставали жесточайшимъ образомъ преслѣдовать, пока его въ Констанцѣ казнили огненною смертью. Выведенные изъ терпѣнія столь многими и ужасными неправдами, Чехи, послѣдователи Гуса, между которыми были еще многіе, бывшіе нѣкогда учениками Милича и Матвѣя Парижскаго, вооруженною рукою возстановили скрывавшееся въ тайнѣ исповѣданіе и кое-гдѣ возвратили ему храмы. Но сознавая, что оно не можетъ долго оставаться безъ опредѣленнаго порядка и безъ своихъ особыхъ храмовъ, они для рѣшенія дѣла составили у Праги, 7 Іюля 1421 года, многочисленное собраніе изъ всей Чехіи и Моравіи. По продолжительномъ обсужденіи, они приняли за образецъ спасительный примѣръ того порядка церковнаго управленія, который нѣкогда установленъ былъ св. Кирилломъ, и учредили въ Прагѣ, съ согласія архіепископа Конрада, новую пресвитерскую коллегію для завѣдыванія этимъ управленіемъ, а предсѣдателю ея присвоили названіе администратора Пражскаго архіепископства. Опредѣленный этимъ собраніемъ и изложенный въ большомъ числѣ статей уставъ обнародованъ печатью. Возстановленный такимъ образомъ въ это время Чехами, чуждавшимися латинства, порядокъ церковнаго управленія оставался въ своей силѣ, доколѣ продолжалась свобода исповѣданія въ

жествомъ у Бѣлой Горы, возобновляли въ Чехіи многочисленные монастыри разрушенные гуситами. Странскій указываетъ на то, что также какъ эпоха гуситства истребила въ Чехіи памятники, по которымъ можно бы было возстановить нить преемственности въ учрежденіяхъ тамошней латинской церкви, также точно случилось прежде того, въ періодъ господства латинства, съ учрежденіями, которыя вели свое начало отъ греческой церкви.

XIX. Praesederunt autem cum authoritate huic presbyterio, seu (sicut vulgus loquitur) Consistorio, plerumque cum delectis ex omni pastorum, studiique Pragensis Magistrorum numero collegis plerunque undecim, Administratores, viri aetate graves, qui legitime ad munus hoc vocabantur, et in Coenobio Slavanensi residebant.

I. M. Johannes Przibram 1421. etc.

моемъ отечествѣ. Необходимыя въ этомъ порядкѣ нововведенія постановлялись, съ вѣдома королей и по совѣщанію съ магистрами, профессорами, настоятелями Пражскихъ церквей и всѣми деканами (благочинными) изъ провинцій, частью самими чинами королевства на общемъ сеймѣ, частью избранными для сего общимъ голосованіемъ представителями отечественной церкви, которыхъ называли «защитниками», а утвержденіе такихъ постановленій предоставлялось королевской власти. Университетское зданіе, называемое Каролинумъ, служило съ самаго начала для этихъ духовныхъ совѣщаній и здѣсь же помѣщалось управленіе дѣлами этого рода. Посему въ этомъ зданіи собирались, когда нужно было, какъ самые чины королевства, такъ и «защитники»; администраторъ же съ чинами коллегіи находились тутъ въ опредѣленные дни недѣли, и вершили дѣла своей должности.

Въ этой коллегіи пресвитеровъ или, какъ ее обыкновенно называли, консисторіи, состоявшей большею частью изъ одиннадцати членовъ, между коими были обыкновенно и выборные отъ духовенства и отъ магистровъ Пражскаго университета, — предсѣдательствовали администраторы, мужи зрѣлые лѣтами, законнымъ порядкомъ къ этому сану призывавшіеся и имѣвшіе жительство въ Славянскомъ монастырѣ, а именно:

1) М. Іоаннъ Прибрамъ въ 1421 г. (далѣе слѣдуетъ перечень администраторовъ Гуситской коллегіи, до ея уничтоженія въ 1621 году).

